

Марина Линник

КОРОЛЕВСКИЙ
СЕКРЕТ

Марина Линник
Королевский секрет

«Автор»

2023

Линник М.

Королевский секрет / М. Линник — «Автор», 2023

Накануне Семилетней войны, одного из самых масштабных конфликтов Нового времени, Людовик XV, по наущению официальной фаворитки маркизы де Помпадур, отправляет в Россию тайных агентов для установления дипломатических отношений, прерванных из-за разногласий между двумя правителями. Отношения между Россией и Европой на протяжении многих веков были непростыми. Но в дипломатии, как и на войне, никогда не следует терять контакта с противником. Об этом очень хорошо знали три великие женщины — Императрица Елизавета Петровна, маркиза де Помпадур и эрцгерцогиня Мария Терезия, вставшие на защиту интересов своих государств против «Империи Зла», созданной императором Фридрихом II. Но так ли проста Самодержица Всероссийская? Поверит ли она человеку, который половину своей жизни прожил как мужчина, а полжизни – как женщина?

© Линник М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Шахматная партия	10
Глава 2. Предупреждение	14
Глава 3. Взлет и падение	20
Глава 4. С чистого листа	27
Глава 5. Пророчество	31
Глава 6. Игра начинается	36
Глава 7. Джокер	40
Глава 8. Тайные шпионы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина Линник

Королевский секрет

Я никогда сам не открываю своих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться.

М. Ю. Лермонтов

Пролог

Франция, 1728 год

С Варфоломеевской ночи прошло более полутора столетий. Казалось бы, та страшная резня, унесшая более тридцати тысяч жизней невинных, навсегда запечатлелась в сознании людей, и они никогда больше не повторят ошибок прошлого. Но вот – религиозные противоречия и политическая раздробленность, вызванная необдуманными действиями регента и советниками малолетнего монарха, всколыхнули Францию с новой силой, грозя в который раз обогреть кровью улицы городов и деревень.

Невнятная тревога, замешанная на чувстве тоски, страха и потерянности, витала в воздухе, заставляя жителей небольшого бургундского городка Тоннер вздрагивать при виде солдат Его Величества, ибо за последнюю неделю было арестовано несколько десятков сторонников янсенистов¹. Но остановить массовую истерию оказалось не так-то просто.

– Франсуаза, смотрите, – выглянув окно, проговорил адвокат де Бомон, – возле дома наших соседей собралась толпа. Интересно, что могло произойти?

– Даже знать не хочу, – проворчала женщина средних лет, с негодованием поглядев на мужа. – Вы думаете, что я настолько любопытна, что готова в моем состоянии нестишь сломя голову и выяснять причину сборища ротозеев?

Луи д'Эон смерил глазами сильно располневшую жену, находившуюся на сносях. «Франи никогда не слыла первой красавицей, но видит Бог, эта беременность настолько ее изуродовала, что она вызывает у меня чувство отвращения. Будем надеяться, что хоть в этот раз Господь сжалятся над нами и подарит нам долгождан... о, дьявол меня побери!»

– Франсуаза, это солдаты! – невольно вскрикнул адвокат. – Они... этого не может быть...

– Что? Что там происходит? – нахмурилась женщина, глядя на потрясенного до глубины души мужа. – Почему вы молчите, мсье?

Не дождавшись ответа, грузная женщина, бывшая на девятом месяце, осторожно соскользнула с кушетки и, кряхтя, заковыляла к окну.

– Чего вы там такое увидели, что... Святая Дева! – начала она и тотчас же осеклась, увидев, как двое солдат в сопровождении офицера поволокли мимо их дома упирающегося законника, господина Дюпена. За ними, ломая руки и причитая, бежала его жена Жюли и их многочисленное потомство, не понимавшие, за что арестовали отца.

– Мой Бог, – ахнула Франсуаза, побледнев, – не могу поверить! С какой стати они схватили его? Пьер-Антуан самый тихий и самый скромный адвокат во всем городе. Я никогда не слышала о нем дурного слова. Ну разве что от жены, которая вечно жаловалась на недостаток денег и малодушие мужа.

– Ну, иногда в тихом омуте...

– Не говорите, мсье, глупости! – вспыхнула мадам д'Эон. – Да сей господин и мухи не обидит. Излишняя мягкость – это не повод для заключения под стражу. Сказать по правде, я всегда удивлялась, каким образом наш сосед вообще мог отстаивать права кого-то в суде, когда он сам о себе позаботиться не в состоянии.

– Не может, точнее, не мог, – хмыкнул Луи, – поэтому-то и клиентов у него почти не было.

– Знаю, – отходя от окна и с трудом садясь на стул, отозвалась его жена, – бедняжка Жюли даже была вынуждена отказаться от прислуги в том месяце, ибо они едва сводили концы

¹ Религиозное течение – янсенизм – течение в католицизме XVII-XVIII веков, зародившееся и получившее наибольшее распространение во Франции. Основатель Корнелий Янсений – нидерландский католический богослов.

с концами. Если Пьер-Антуану предъявят обвинение, то они и вовсе лишатся доходов и им придется продать дом и уехать. Но куда? Не представляю! У них девять детей!

– Мы тоже пойдем по миру, – буркнул адвокат де Бомон, помрачнев, – раз уж...

– Вы порядком надоели мне своим ворчанием, – гневно одернула его Франсуаза. – Все девять месяцев я постоянно слышу от вас: вы должны, вы обязаны... Надоело, сударь! Никто не может повлиять на природу! Лишь Господь, которому я молюсь денно и нощно, может излить Свою милость на нас... ну или нет.

Мсье д'Эон хотел что-то ответить своей уставшей от бесконечных беременностей жене, но в ту же секунду распахнулась дверь и на пороге появилась их служанка Моник, щуплая девчушка лет четырнадцати, с живыми глазами и вечно выбивающимися из-под чепчика белыми кудряшками, и с ходу затараторила:

– Ой, это такой ужас, такой страх... пришли солдаты и... ну главный их... и такой устроили грохот, такой стук. Ай-ай, какой страх нагнали... Они перевернули в доме мсье Дюпена все вверх дном.

– Почему это? Они что-то искали? – приподнял бровь Луи.

– По-видимому, так и есть, – пожалала та плечами, – иначе зачем все крушить?.. А мадам Жюли так кричала, так кричала, когда они уводили ее мужа.

Хозяйка, вопросительно поглядев на мужа, перевела взгляд на служанку, первую сплетницу их квартала.

– А за что же его арестовали, Мими? Уверена, что ты обо все уже разузнала. Я права?

– Как? – всплеснув руками, изумилась девчушка. – Разве вы не знаете, за что сейчас можно угодить в тюрьму? Так за... за... ну как там его... за янсенизм же, ну за эту... ложную религию... аль не слышали? Об этом в городе только и говорят.

Присев рядом с женой, адвокат с любопытством взглянул на малограмотную служанку, дочь одного клиента, отданную в услужение мсье де Бомона в знак благодарности за выигранное дело.

– Интересно, интересно... а что ты о ней знаешь?

– Мсье, неправильно заводить подобные разговоры в такое непростое время, – запротестовала Франсуаза, замахав руками. – Сами же знаете, что даже стены имеют уши. Еще беду накликаете на наш дом. Вам мало проблем, которые обрушились на нас несколько лет назад?

– Мадам, вы постоянно меня перебиваете, причем не только дома, но и в гостях, ставя в неловкое положение, – сурово заметил адвокат. – Не пристало человеку в моем положении спрашивать совета у жены, что делать и о чем говорить со своей прислугой.

– Значит, я перебиваю вас, мсье? – вспыхнув, с вызовом проговорила мадам де Бомон. – Мне стоило начать делать это намного раньше. Наверное, тогда мы не остались бы с пустым кошельком, и нам не пришлось бы влачить сейчас жалкое существование.

– Не понимаю, о чем это вы, – насупился Луи, не любивший упреков в свой адрес.

– Ах, вы не понимаете. Что ж, тогда я напомним.

– Может, не стоит перед прислугой...

Но мадам де Бомон было уже не остановить. Трудности, с которыми пришлось столкнуться семье адвоката в последние годы, бесконечное рождение детей, ведение домашнего хозяйства при весьма скромных доходах мужа оказали пагубное влияние на характер и без того суровой женщины.

– Нет уж, пусть знают все, ЧТО мне пришлось пережить... мне, дворянке по происхождению!

– Но ваши родители согласились на этот брак, да и вы были не против замужества, – раздраженно ответил адвокат, покосившись на затаившую дыхание Моник, предвкушавшую очередной скандал в семье хозяина.

– Конечно, согласились, – парировала покрасневшая от досады жена, – молодой перспективный адвокат из уважаемой семьи. Если бы я тогда знала, что вы ввяжетесь в ту авантюру, из-за которой мы потеряли не только все наши сбережения, но и виноградники, а их мне жаль больше всего, то я скорее ушла бы в монастырь, чем согласилась пойти с вами под венец.

Покраснев от стыда, господин д'Эон опустил глаза. Ну да, несомненно, жена была вправе укорять его за совершенную несколько лет назад глупость. В те времена Луи был еще молод, горяч и не сразу осознал грозящую его семье опасность. Впрочем, на эту удочку попался не он один, но и многие уважаемые люди, ибо систему шотландского банкира Лоу² поддержал сам Филипп Орлеанский, регент короля Людовика XV.

Созданный господином Лоу банк приобрел бешеную популярность у всех платежеспособных слоев населения. Но небывалый успех вскоре стал и причиной его гибели. Кредитное учреждение, выпустившее около трех миллиардов бумажных денег под гарантию всего семисот миллионов наличными, оказалось не в состоянии платить своим клиентам во время чудовищной паники, охватившей Париж в начале 1720 года на фоне появившихся непонятно откуда слухов о банкротстве Лоу. Как и многие другие акционеры, семья де Бомон оказалась у разбитого корыта. Все их состояние было безвозвратно потеряно.

– Сколько раз я должен приносить свои извинения? – глухо спросил адвокат. – Прошло столько лет...

– Да, прошло много лет, вы правильно заметили... вот только количество лет не прибавили вам, сударь, ни ума, ни мудрости.

Франсуаза с трудом встала и поплелась к двери.

– Когда вас будут пытаться живодееры Его Величества, вспомните о том, что я предупредила вас, мсье, что не стоит болтать лишнего. Меньше знаешь, крепче спишь.

– Непременно, мадам, – проводив жену злобным взглядом, отозвался Луи, после чего вновь обратился к служанке: – Итак, Мими, так о чем шепчутся в народе? Ну! Не пугайся. Обещаю, что все останется сугубо между нами. Мне просто интересно узнать настроения в городе. В конце концов, я же представляю интересы разных сословий в суде.

Потоптавшись в нерешительности, служанка принялась пересказывать разнообразные слухи, толки и сплетни, услышанные за пределами дома.

– А еще утверждают, на могиле того самого Пари³ творятся жуть какие странности.

– Странности? Интересно, интересно. Продолжай, Мими. Что за странности?

Оглянувшись по сторонам, девочка заговорщицки произнесла:

– Говорят, что больные тотчас же исцеляются, стоит им всего лишь прочесть молитву возле могилы того дьякона. А толпища там... ой-ой-ой... народа видимо-невидимо!

– Хм... то есть они читают молитву и тотчас же поправляются? Чудеса, да и только.

– Так я ж о чем! – кивнула головой служанка. – Приносили и паралитиков, и слепцов приводили, и больных... как их там... водянкой... Так они терлись о могильный камень и вмиг становились здоровыми.

– И ты веришь этим сказкам? – усмехнулся адвокат.

– А то как же? – обиделась Моник. – Так в народе говорят... И... и вовсе это не сказки.

– Берегись! – предупредил ее хозяин. – Помнишь, о чем сейчас сказала твоя хозяйка: и стены имеют уши.

Луи д'Эон де Бомон был прав. Действо, развернувшееся на кладбище Сен-Медар, походило скорее на ведьмовский шабаш, чем на поклонение рано почившему богослову: неуравновешенные больные, желающие избавиться от чудовищных язв или уродства, возносили молитвы и бились в конвульсиях, а многие из них даже впадали в транс.

² Лоу хотел заменить монеты банковскими билетами.

³ Франсуа де Пари – французский католический диакон и богослов, сторонник янсенизма, затворник и аскет.

Эти чудесные исцеления не могли не вызвать в обществе ажиотаж, благодаря которому янсенисты вновь подняли голову и стали уже открыто изобличать как церковную тиранию, так и светскую. А гонения на радикально настроенных сторонников новой реформации лишь увеличивали их популярность. Даже приказ короля о закрытии кладбища не смирил праведников, упрямцев и вольнодумцев. На следующий день на воротах Сен-Медар появился листок со следующим текстом: «De par le Roy, défense à Dieu de faire miracle en ce lieu⁴».

Поэтому в те времена даже разговор на подобную тему мог быть расценен как сочувствие янсенистам и стать причиной преследования.

– Так что, Мими, если ты не хочешь оказаться на эшафоте и подвергнуться жестоким пыткам, то советую помалкивать и держаться в стороне от разговоров на подобные темы. Понятно?

Побледневшая от испуга девушка послушно закивала головой.

– То-то, – поднимаясь, произнес адвокат.

Он хотел еще что-то добавить, но в эту самую минуту в комнату вбежала кухарка и закричала истошным голосом:

– Хозяйка... она... кажись, рожает!

– Что?

– Уже воды отошли... чего стоишь, дуреха? – накинулась на служанку пожилая женщина. – Воды неси и тряпки чистые... А вы, сударь, за врачом бы поскорее послали. Худо мадам, ой как худо. Боюсь, как бы Богу душу не отдала.

– Да-да, сейчас же пошлю Мишеля, – пробормотал не на шутку встревоженный мсье де Бомон. – Ступай к хозяйке и не отходи от нее ни на секунду.

Пронизывающий холод вызывал озноб, но адвокат, казалось, не замечал того, что в камине давно погас огонь. Он продолжал ходить взад и вперед по стылой комнате, стараясь отогнать от себя дурное предчувствие и возможное разочарование: долгожданный ребенок, который должен был появиться еще десять дней назад, мог стать либо великим счастьем для семьи, либо безысходным горем.

– Родила! Родила! – вбежав в комнату, затараторила Мими. – Ой, какой ребеночек хорошенький!

– Мальчик или девочка? – затаив дыхание, спросил Луи д'Эон.

– А вы сами посмотрите, – лукаво окинула его взглядом служанка.

Стремглав бросившись из комнаты, адвокат без лишних церемоний ворвался в спальню супруги. Молча подойдя к лежавшему возле матери ребенку, хозяин дома откинул пеленку и... замер на месте. Увы, чуда не произошло!

– Мадам, вы только что УБИЛИ нашу семью!

Круто повернувшись на каблуках, он покинул комнату, не произнеся больше ни слова.

⁴ «Именем короля Богу запрещается совершать чудеса в этом месте».

Глава 1. Шахматная партия

Санкт-Петербург, 1741 год

Кончина Анны Иоанновны в октябре 1740 года заставила призадуматься многие государственные умы в Европе: в России может начаться смута и разыгаться битва за власть. Именно поэтому, желая сблизиться с русскими оппозиционными кругами, в частности, с Елизаветой и ее сторонниками, чтобы в обмен на финансовую и военную помощь добиться своих целей, в столицу российского государства почти одновременно прибыли посол Швеции Эрик Матиас фон Нолькен и посол Франции Жак-Иоахим Тротти, маркиз де ла Шетарди. Вначале взгляды двух мужей не совпадали. Более того, француз и вовсе был скептически настроен и не желал воспринимать дочь Петра в качестве политика, но в начале 1741 года его мнение резко изменилось.

– Дорогой господин Нолькен, – входя в уютную гостиную шведского посольства, проговорил француз. – Вот уж не ожидал застать вас в столице. Мне говорили, что вы покинули Санкт-Петербург.

– Время летит быстро, господин маркиз, – указав на кресло возле камина, отозвался холерный мужчина средних лет, с очень пронизательными глазами. – А новости еще быстрее... Я в действительности покидал Россию на некоторое время, но дела заставили спешно вернуться обратно. Ни для кого не секрет, что и вы не сидели сложа руки... Кстати, позвольте спросить, не желаете ли вы сыграть в шахматы, Ваше Сиятельство?

– Не могу сказать, что я мастер в этом деле, но извольте... С удовольствием составлю вам партию.

Сделав знак слуге, стоявшему возле дверей, посол Швеции прищурился, исподтишка рассматривая ловкого и опытного соперника. «Интересно, зачем Шетарди вновь прибыл в Россию? После того, как он публично унизил императрицу, сказав ей, что не может передать от своего короля Людовика уверения в самой нежной дружбе, а лишь готов засвидетельствовать удовольствие, которым преисполнен Его Величество при возобновлении добрых отношений, мне казалось, что двери дворца навсегда закрыты для него. Но француз вернулся... странно! Не мешало бы разузнать, какую игру затеял бездарный Луи и его идиоты-министры. Как бы они не спутали нам все карты».

В дверях показались слуги, которые внесли изящный столик со стоящей на нем шахматной доской.

– В этом году в Санкт-Петербурге стоит мерзкая погода, не так ли? Мне кажется, что будет лучше остаться возле камина, если не возражаете.

– О да, ваша предусмотрительность делает вам честь, господин посол, – улыбнувшись, ответил Шетарди.

Он не первый раз общался со шведским послом и прекрасно знал, каким опасным противником являлся господин Нолькен. Силы, которые он представлял, затеяли опасную игру, о чем предупреждали французские агенты и шпионы. Однако маркиз хотел лично узнать о планах противоборствующей стороны, именно поэтому и напросился на аудиенцию к дипломату.

– Итак, Ваше Сиятельство, я уступлю вам белые фигуры, – лукаво взглянув на собеседника, начал посол, усаживаясь напротив Шетарди. – Как-никак вы мой гость сегодня. Но предупреждаю вас, что это единственная уступка, которую я готов сделать в настоящее время.

– Благодарю вас за честь, господин Нолькен, – с легким поклоном ответил маркиз. – И несмотря на то, что я, как уже предупреждал вас, не слишком сильный игрок, я постараюсь доставить вам удовольствие.

– Что ж, извольте начинать.

Посмотрев на выстроенные строгими рядами фигуры, французский посол сделал ход.

– Е4, сударь.

Насмешливая улыбка скользнула по губам Нолькена. Взяв пешку, он сдвинул ее на Е5.

– Мне говорили, что Ее Величество осталась вами недовольна, маркиз, – бросив быстрый взгляд на оппонента, начал прощупывать почву шведский посол.

– Я действовал в рамках данных мне инструкций, не более, – уклонился от ответа Шетарди. – Мой король решил пока не раскрывать русским широких объятий... Слон С4, господин Нолькен.

Швед перестал улыбаться и подозрительно уставился на собеседника.

– Хм... что вы хотите сказать этим ходом?

– Извольте объяснить, господин посол, что вы имели в виду: мнение Франции по вопросу дружбы с Россией или же игру в шахматы?

– В данном случае меня интересует и то и другое, маркиз, – откинувшись на спинку стула, отозвался Нолькен.

– Что ж, я отвечу вам чуть позже, ибо сейчас ваш ход, мсье.

– Ну хорошо, – после минутного молчания произнес посол. – По сути, с последней нашей встречи мы не добились больших результатов в переговорах. Как вы знаете, через личного врача Елизаветы Петровны, господина Лестока, мне удалось установить контакт с дочерью Петра. Благодаря этому посредничеству была достигнута договоренность о личной встрече... Конь С6, маркиз.

– И как вам показалась цесаревна? – задал вопрос французский посол, призадумавшись. – Мне говорили, что, несмотря на надлежащее воспитание и образование, она вряд ли сможет самолично управлять страной.

– Для этого есть советники, маркиз. Ваш король тоже не особо сведущ не только во внешней, но и во внутренней политике, не так ли? Вы не хуже меня осведомлены о том, что кардинал Флери, да и мадам де Шатору имеют огромное влияние на Людовика. Они, а не он истинные правители Франции.

– Господин Нолькен, мне бы не хотелось сейчас обсуждать положение дел в моей стране. Согласитесь, что и Швеция, особенно после поражения в Северной войне, переживает не самые лучшие времена. Насколько мне известно, ваша страна готовится к войне с Россией... Но вернемся к делам более насущным, вы же не против, сударь?.. Итак, вы встречались с Елизаветой лично?

Насупившись, шведский посол, недовольный словами маркиза де Шетарди, ответил не сразу.

– Да, Ваше Сиятельство, меня удостоили чести быть принятым на окраине города. К слову сказать, а вы знаете или, видимо, слышали от своих агентов... да-да, не удивляйтесь, я прекрасно осведомлен о ваших шпионах и об их действиях, которые, признаюсь, иногда доставляют нам немало хлопот... что знать не особо поддерживает цесаревну?

– Да, до меня доходили такие слухи. Но дочь Петра пользуется большой популярностью в народе, так сказать, в русском обществе. Тем не менее страсть к удовольствиям мешает честолюбивым устремлениям принцессы. Ее не воспитали для великого. Хотя... кто знает, на что способен человек, ведомый инстинктом самосохранения... А сейчас ситуация складывается не в пользу дочери Петра. Но я также знаю, что влиятельные кланы и нынешнюю императрицу не особо уважают, а ее мужа, Антона Брауншвейгского, и вовсе презирают.

– Да, мне это известно, – подтвердил посол. – Именно поэтому и вы, и я здесь, разве не так? Цель Франции, да и Швеции тоже – ослабить наконец-то влияние наших врагов австрийцев... Ваш ход, сударь.

Хитро поглядев на соперника, Шетарди обратился к нему со странной улыбкой.

– Мне радостно от того, что в кои-то веки наши взгляды на положение дел в мире совпали. Согласитесь, такое взаимопонимание между нашими странами случалось не часто. Но вы не

ответили на мой вопрос: как вы нашли дочь Петра? Правильно ли поступили наши министры, сделав на нее ставку? Поговаривают, что Елизавета осознает свое бессилие. Что ее окружают лица, которые не в состоянии помочь цесаревне достигнуть цели. Отсюда и уныние, которое вселяет в нее робость даже при самых простых действиях. И полагаю, а точнее сказать... я просто уверен, и думаю, вы согласитесь со мной, дорогой Нолькен, что преодолеть инертность у самой принцессы не получится. Оставить страхи Елизавета сможет лишь в том случае, если она послушается добрых советов, не так ли? – маркиз многозначительно уставился на шведского посланника. – Только вот чьих?.. Ферзь Н5.

Неприкрытое удивление промелькнуло в глазах господина Нолькена. Садясь за партию шахмат с французским послом, он и не предполагал, что игра примет такой серьезный оборот. Несмотря на то, что их страны всегда находились в дружеских отношениях друг с другом и были единодушны в вопросах, касающихся политики, направленной на ослабление позиций России на мировой арене, сейчас оба дипломата пытались опередить один другого в переговорах с Елизаветой и ее окружением. Швеция жаждала реванша после позорного поражения, в то время как Франция боялась, что Россия возьмет сторону Вены в вопросе австрийского наследства⁵.

Окинув взглядом доску, швед оценил ситуацию. «Хм... а маркиз не так уж прост, как хочет казаться. За простодушием скрываются коварство и притворство. С ним стоит держать ухо востро. Все-таки мое первое впечатление о нем было верным, даром что меня пытались убедить в обратном. Интересно, какую игру он задумал?»

– А вы опытный игрок, – взяв в руки коня, констатировал Нолькен.

– Ну что вы, – хитро прищурился Шетарди, – мне до вас еще расти и расти. Вообще, шахматы – не моя стихия. Вот вы – истинный мастер своего дела. Уверен, что принцесса по достоинству оценила ваши таланты.

– Я бы не был столь категоричен, дорогой маркиз, – самодовольно улыбнувшись, ответил шведский посол, не заметив подвоха. – Легкомыслие, чрезмерная осторожность и нерешительность дочери Петра говорят не в ее пользу, но природный ум и смекалка дают надежду на то, что не все потеряно. И... между нами, она не сидит сложа руки и уже вступила в переговоры с рядом высокопоставленных чиновников, в том числе и генералов... Конь F6!

– И что? – Острый взгляд опытного дипломата оценил диспозицию на шахматной доске, и тот мысленно усмехнулся: швед в очередной раз переоценил свои возможности. – Гвардия готова поддержать любимую дочь Петра?

– Думаю, да, – глухо промолвил Нолькен. – В то время, как покойная императрица устраивала... как она их называла... шутихи, принцесса раздавала подарки, крестила детей гвардейских солдат, очаровывала их своими взглядами и улыбками.

«Что ж, тогда, я думаю, не мешает написать господину Амело⁶ и поделиться с ним этими сведениями, – призадумался Шетарди. – Сдается мне, что сейчас важно оказать цесаревне содействие для восшествия на престол. Если это произойдет, то тогда Россия возродит былое величие, утраченное при Анне Иоанновне. Между тем очевидно, что при слабом и безвольном правителе Россия никоим образом не сможет угрожать Франции и ущемлять ее интересы. Хотя тут тоже есть риск: а что будет, если Елизавета, найдя себе опору, все же совершит переворот? Тогда... неплохо бы помочь ей. Но вдруг дочь Петра потом забудет о тех, кто помог ей обрести власть? А что, если Нолькен что-то недоговаривает и ему известно больше? В любом случае я склонен предполагать, что принцесса может не выказать благодарность в той степени, на которую рассчитывает посол, поддерживая ее интересы. Но с другой стороны... да, игра

⁵ Длительный военный конфликт, вызванный попыткой ряда европейских держав оспорить завещание австрийского императора Карла VI. На протяжении восьми лет стороны пытались расчленить значительные владения Габсбургов в Европе.

⁶ Жан-Жак Амело де Шатю – французский политик, министр иностранных дел Франции.

рискованная, но, черт подери, почему бы не попробовать? Да, я готов рискнуть. И даже рискнуть головой!»

– Похоже, Елизавета не так проста, как мне показалось в самом начале, – после минутного размышления проговорил он вслух. – Мне бы следовало прислушаться к вашей интуиции.

– Уверяю вас, маркиз, ее задорные глаза, привлекательная внешность, манеры и шарм обведут вокруг пальца любого... но не нас с вами, не правда ли? Мы-то опытные дипломаты, повидавшие на своем веку, ох, как много, и не поддадимся на женские уловки и ухищрения.

О, эти женские уловки –

Причёски, платья, томный взгляд.

Но с опытом ценю все больше,

Не красоту, а трезвый ум...

Шведский посол рассмеялся собственной шутке, но в следующее мгновение его смех внезапно оборвался, ибо в этот момент противник вместо пешки поставил своего ферзя и загадочно улыбнулся.

– Шах и мат, господин посол! Игра окончена...

Глава 2. Предупреждение

Франция, Осер, весна 1741 года

– При всем моем уважении, но у вас растет настоящий преступник, мсье и мадам де Бомон, – сидя за обшарпанным столом, изрек сурового вида человек. – И если вы не настаивите его на путь истинный в ближайшее время, то он угодит за решетку раньше, чем получит образование.

Директор встал и заложив руки за спину прошелся по бедно обставленному кабинету, в котором, кроме массивного шкафа, почерневшего от времени дубового стола и трех стульев, не было ничего. С самого первого дня пребывания в приходской школе (ибо финансовые возможности семейства были весьма ограничены, несмотря на благородное происхождение) проказы Шарля Женестьеви Луи Огюста Андре Тимоте д’Эон де Бомон выводили господина Граммона из себя. Обычно спокойный и уравновешенный, пожилой человек буквально метал громы и молнии, выслушивая жалобы воспитателей малолетнего негодника.

– Ваш сын ни во что не ставит учителей, отказывается зубрить молитвы и ведет себя неподобающим образом во время церковного пения, отвлекая других учеников кривлянием и шутками. А совсем недавно был и вовсе вопиющий случай. Он раздобыл где-то женское платье, как выяснилось позже, негодник стащил его из прачечной у одной посудомойки, и в таком виде заявился в класс. Надо ли говорить, что урок отечественной истории был сорван?

Мсье де Бомон вздрогнул от неожиданности, а его жена невольно вскрикнула и едва не упала без чувств.

Директор школы бросил озабоченный взгляд на посетительницу и спросил:

– Мадам де Бомон, позвольте предложить вам стакан воды? Или, может быть...

– Нет-нет, – быстро беря себя в руки, отозвалась Франсуаза. – Это... все нервы. Я весьма расстроилась, услышав ваши слова. Признаться, вы озадачили меня. Да, Шарль всегда был непоседой и его трудно назвать примерным мальчиком, и я, что греха таить, всегда относилась снисходительно к его проказам, но чтобы...

– А я всегда говорил вам, мадам, что вы слишком балуете сына, – хмуро заметил мсье де Бомон. – Вот к чему привело ваше воспитание.

Франсуаза зарделась, но промолчала.

– Признаюсь, поступки вашего сына меня очень огорчают, – продолжил разговор директор школы. – И это я еще не упомянул о том, что он постоянно задирает детей и устраивает словесные перепалки, которые часто перерастают в драки.

– Мне очень жаль, что так происходит, – угрюмо отозвался адвокат, удрученный поступками отпрыска. – Но позвольте узнать, почему вы не наказываете его? Ваше попустительство идет ему во вред. Я отдавал сына в ваше заведение не для того, чтобы с вашего молчаливого согласия ему позволяли поступать неподобающим образом.

– Что? – Кровь бросилась в лицо господина Граммона. – Вы действительно обвиняете меня в том, что я спускаю с рук проделки вашего сына и оставляю их полностью безнаказанными? Да не проходит и дня, чтобы мы не сделали выговор или не выпороли сорванца за нарушение дисциплины. Мы сажали его на хлеб и воду, одевали в женское платье и выставляли на всеобщее обозрение, думая, что такой позор послужит для него уроком и заставит задуматься над своим поведением, но мы ошиблись. Ему так понравилось примерять платья, что на следующий день, как я и рассказал вам, он опять вырядился женщиной...

– Вы что сделали? – ахнула мадам де Бомон. – Кто вам позволил выставить на посмешище человека, унижая его достоинство? Вы – преступник!

– Мадам, при всем моем уважении, – вспыхнул директор школы, – я бы попросил не разбрасываться столь громкими обвинениями и не учить меня, КАК мне справляться с МОЕЙ работой.

– Ваша работа заключается в том, чтобы оскорблять ваших подопечных и измываться над ними? – покраснев от негодования, парировала мадам де Бомон.

Затем она обратилась к мужу и жестко произнесла:

– Луи, я считаю, что нашему сыну не место в этом заведении.

– Мадам, позвольте мне САМОМУ решить этот вопрос. Я уже не раз предостерегал вас от попыток делать мне замечания, особенно прилюдно.

Сверкнув глазами, Франсуаза д'Эон вскочила и, не сказав больше ни слова, вышла из кабинета.

– Прошу вас простить выходку моей жены, – устало произнес адвокат. – Он – ее любимец, а матери трудно смириться с тем, что из любимого чада не выйдет ничего путного. Учеба, как видно, не его конек. Что ж, придется отдать Шарля кому-нибудь в подмастерья. Может, хоть там будет толк.

– Я бы не был столь категоричным, – не сразу ответил господин Граммон, задумчиво посмотрев на собеседника. – Причина, почему мы до сих пор не отправили вашего сына домой, как раз и заключается в том, что, несмотря на все его шалости, Шарль блестяще сдает все экзамены. Да-да, не удивляйтесь. Вот поглядите ведомости! У вашего сына, если, как я уже говорил ранее, он не попадет в тюрьму, большое будущее. Поверьте мне!

Директор школы достал толстую книгу и, полистав ее, нашел нужные записи.

– В том году все без исключения предметы были сданы на «отлично». Более того, Шарль весьма красноречив, у него великолепная память и хорошо подвешен язык. Ваш сын – первый ученик в классе, но при этом и первый сорванец школы, с которого более слабые берут пример. Поэтому... пожалуй, ваша супруга права: ему не место в нашем учреждении. У Шарля чересчур острый ум, бойкий язык и бешеный темперамент. Все его поступки – это своеобразный вызов, который ваш сын бросает моим воспитателям ежедневно. Обстановка в школе накалилась, поэтому-то я и вызвал вас. Я не знаю, зачем он так поступает, но сдастся мне, что за его неподобающим поведением скрывается тайна, разгадать которую пока не в состоянии никто.

Адвокат д'Эон как-то странно посмотрел на директора и уронил голову на руки.

– Это мой крест, господин Граммон. Тяжкий... тяжкий крест!

Директор школы, раздираемый любопытством, молчал, не желая показаться чересчур назойливым. Он надеялся, что пробудившееся в собеседнике раскаяние позволит ему раскрыть загадку семьи адвоката. Но тот, нахмурившись, безмолвствовал, хотя весь его вид говорил о том, что тайна, снедающая его, слишком мучительна. И все же, несмотря на тяжелую ношу, Луи д'Эон де Бомон не был готов поделиться этим секретом с посторонним.

Наконец отец Шарля встал и, взяв в руки потертую треуголку, прервал молчание:

– Хорошо, господин Граммон, я прислушаюсь к вашему совету и заберу сына домой. Возможно, я совершаю самую большую ошибку в своей жизни, или... нет, я совершил ее гораздо раньше, прогневив нашего Создателя. Гореть мне в Аду.

С этими словами адвокат открыл дверь и вышел из кабинета.

– Что бы это могло значить? – хмыкнул директор школы, глядя вслед посетителю. – Интересно, что скрывается за таинственными фразами? Эх, жаль, что я так и не выяснил тайну этой странной семьи. Но с другой стороны... мы наконец-то избавимся от проказника. Огромное облегчение для всех нас. Хвала Создателю!

Через час с небольшим все семейство уже тряслось в дилижансе по направлению к Тоннеру.

– Это же надо было потратить шестьдесят четыре су из-за этого негодника, – сокрушался Луи д’Эон, подсчитывая в уме расходы на поездку. – А все вы, мадам. Зачем вы увязались за мной? Я мог бы спокойно обойтись и без вас.

– Разумеется, могли. Господи, сударь, ваша прижимистость не имеет границ, – зыркнула на мужа Франсуаза. – Мне давно уже кажется, что я и наши дети вам в тягость. Хочу отметить, они не только мои, но и ВАШИ! Не по своей милости я рожала каждый год на протяжении стольких лет. Вы же все о мальчишке мечтали? Так в чем еще вы хотите меня упрекнуть?

– Лишь в том, что у вас слишком длинный язык, Франсуаза, – уставившись в маленькое окошко, ответил адвокат. Затем, не поворачивая головы, добавил: – Шарль, перестань буравить меня взглядом. Мы поговорим дома о твоём поведении. И на этот раз...

Луи сделал паузу и, оторвавшись от окна, бросил пристальный взгляд на жену:

– ...нам НИКТО не мешает. Вам понятно, мадам?

Мсье де Бомон вновь отвернулся и погрузился в свои невеселые думы.

– Как бы не так, – пробормотала Франсуаза, решившая как истинная мать до конца защищать своего ребенка.

– Матушка, все хорошо, вы не переживайте за меня, – наклонившись к ней, проговорил юноша.

Он ласково посмотрел на мать и расплылся в тихой улыбке.

– А хотите, я что-то покажу вам? – спросил он внезапно.

– Ну хорошо, покажи, дорогой, – потрепав сына по щеке, сказала мадам д’Эон.

Достав из-под плаща плоскую коробочку, Шарль протянул ее матери.

– Только сразу не открывайте ее, матушка, – посоветовал он, – а то разбегутся.

– Разбегутся? – озадаченно посмотрела на него Франсуаза. – А кто здесь?

– Мои веселые друзья, – подмигнув, отозвался сын.

– Я смотрю, ты новую шалость задумал?

– Не совсем новую. Благодаря им я заработал почти сорок су! Вы представляете? – с гордостью заявил юноша.

– Почти сорок су? – изумилась его мать. – Но каким образом?

Шарль взял коробочку из рук матери и осторожно открыл ее.

– Вот, смотрите! – торжественно произнес он, указав на несколько членистоногих тварей, сбившихся в кучку.

– Боже, кто это? Что за мерзость? – поморщилась Франсуаза, невольно отпрянув.

Юноша рассмеялся и закрыл коробку.

– Это пауки-сенокосцы, матушка. Вы не раз видели их, наверно. Они живут в темных влажных нишах пещер, деревьев и под камнями. В школе я утверждал, что это смертельно ядовитые тарантулы и самым любопытным давал посмотреть... само собой, за деньги. Если бы вы не забрали меня, то через месяц-другой я заработал бы восемьдесят, а то и сто су.

Паучок, паучок,

су мне в лапках принесет,

обмануть легко глупца,

коль головушка пуста...

Эх, обидно! – с сожалением констатировал бывший воспитанник школы, сокрушавшийся больше о потере доходов, нежели о перспективе остаться неучем.

– Полно, Шарль, болтать глупости, – рассмеялась его мать. – Пора уже взяться за ум.

– Наконец-то я слышу первые здравые слова из ваших уст, мадам, – прервав молчание, вступил в разговор глава семейства. – Тебе по сути дела пора обдумать свое будущее. Я не собираюсь кормить еще один рот. Их и так слишком много в моем доме. Следует пустить твою неумную энергию в мирное русло... Я не желаю слушать никаких возражений, мадам! Все,

достаточно! Я НЕ ЖЕЛАЮ обсуждать мое решение ни с вами, госпожа д'Эон, ни уж тем более с вами, молодой человек, из-за которого у меня одни неприятности.

Оставшийся путь семья де Бомон проехала в полной тишине, нарушаемой лишь жалобным скрипом кареты, то и дело попадающей в ямы и ухабы, топотом копыт да редким возгласом возницы.

Лишь глубокой ночью, уставшие, продрогшие и голодные, они добрались до дома. На пороге их встретила заспанная Моник с фонарем в руке.

– Ох, хвала Небесам, вы вернулись. А я уж чего только не передумала. Вдруг грабители, или опоздали на дилижанс, или еще какая напасть приключилась... Ой, мсье Шарль... Вы? А почему вы не в школе? Вы больны? Может, за доктором сбежать? Так я мигом!

Луи де Бомон поморщился. «Господи, как я устал от этой женщины! – вертелось у него в голове. – Ну почему я до сих пор ее не рассчитал?.. Франсуаза! Эта ведьма не разрешает даже голос на нее повышать. И почему я все время прислушиваюсь к ее мнению? Завещание... вот почему. Завещание ее тетки, зловредной старухи, которая никак не может очокуриться, будь она трижды проклята! Завещание, благодаря которому мы сможем забыть о нужде и лишениях до конца своих дней».

В это время служанка, продолжая щебетать и не давая никому и слова вставить в свой монолог, помогла снять верхнюю одежду госпоже и юноше.

– Моник, Господи, ты можешь помолчать? – не выдержал в конце концов хозяин. – От твоей трес-котни у меня разболелась голова. И так дорога оказалась чрезвычайно трудной, а тут ты... никому ничего не нужно.

– А как же ужин? – распахнув глаза от изумления, молвила Мими.

– Завтра поедем.

– Ну уж нет! – влезла в разговор Франсуаза. – Вы, мсье, можете поступать, как вам заблагорассудится, а я и Шарль проголодались. Накрой на стол, Моник, мы сейчас придем.

– Так все уже давно ждет вас... ой, да! Совсем забыла! Вам сегодня принесли письмо... Очень солидный господин! Сказал, чтобы я лично передавала вам в руки... Оно очень важное... Батюшки... куда же оно запропастилось? Куда я могла его положить?..

Служанка начала везде рыскать в поисках письма, бормоча что-то неразборчивое вполголоса. Луи де Бомон в сердцах швырнул длинный плащ, перчатки и трость и заторопился наверх, в свою комнату, костеря Моник на чем свет стоит.

– Ой, да вот же оно, – вытаскивая письмо из корзинки с пряжей, радостно вскричала Мими. – Я ж его специально спрятала, чтобы не потерять.

– Чертова курица! – прокричал мсье д'Эон, сбежав вниз по лестнице. – Надо же было догадаться положить важное послание в корзину. Видит Бог, я сегодня же выгоню тебя из дома.

– Но, мсье... пожалуйста, – взмолилась Моник, скривив смазливое личико. – Куда же я пойду? Темень на улице, да и вон дождь начался. У меня нет другого дома, кроме вашего... Пожалуйста, не выгоняйте! Господом заклинаю вас... господин де Бомон!.. Мадам!.. умоляю, затупитесь!

Служанка упала на колени перед Франсуазой и, вцепившись в ее ноги, продолжала голосить.

– Ну полно, полно причитать! – похлопала ее по плечу хозяйка. – Мсье де Бомон... Луи, не время для бурных эмоций. Давайте лучше прочтем письмо, это сейчас гораздо важнее, не так ли?

Хмуρο посмотрев на жену, адвокат выхватил письмо из дрожащих рук Моник и, вскрыв конверт, пробежался по нему глазами.

– Черт подери! – невольно воскликнул он.

– Прекратите богохульничать в доме! – потребовала Франсуаза, жестом приказывая Мими подняться. – Я не раз просила вас об этом. Из-за вашей несдержанности гореть нам всем в Аду.

– Франсуаза! – сменив гнев на милость, возрадовался Луи. – Моя дорогая жена!

Отбросив письмо в сторону, он подбежал к суп-руге и, подняв ее на руки, закружил по передней. Шарль и Мими недоуменно взирали на эту странную картину, не в силах понять, что, собственно, приключилось.

– Наконец все наши беды позади! Вам, мадам, больше не придется экономить каждое су и штопать разорванную одежду. У нас будет экипаж, мы поедем в Париж... Вы же так об этом мечтали! Уволим бестолковую курицу и возьмем вам настоящую, хорошо обученную камеристку.

– Погодите... погодите! – мадам де Бомон бросила на мужа полный недоумения взгляд. – О чем вы говорите? Какой экипаж, какая камеристка, какой Париж? Вы сошли с ума!

– Да, сошел... от любви к вам, мадам, – продолжая кружить жену, пропел адвокат.

– Луи, достаточно, – скомандовала Франсуаза, – отпустите меня! У меня кружится голова. Мими, дай мне воды.

– Слушаюсь, госпожа.

Служанка, подхватив юбки, понеслась на кухню выполнять распоряжение мадам д'Эон, которая тем временем, опираясь на руки мужа и сына, прошла в гостиную. С трудом сев в кресло возле горевшего очага, она обратила взор на адвоката и произнесла:

– А теперь, когда вы немного успокоились, сударь, извольте объяснить все по порядку.

– Конечно, сударыня.

Он вернулся в холл и поднял письмо.

– Вот, читайте, – протянув его, проговорил Луи.

Франсуаза схватила лист и пробежала глазами написанное. В отличие от мужа, на ее лицо молниеносно легла печаль.

– Матушка, с вами все в порядке? – забеспокоился Шарль, опускаясь перед ней на колени. – Вы побледнели. Что случилось?

– Все хорошо, – продолжая читать, отозвалась та.

Мадам де Бомон смахнула набежавшую слезу и положила письмо на колени.

– Мой милый мальчик, – погладила его по щеке женщина, – мне тяжело сообщать тебе эту грустную новость.

– Ничего она и не грустная, – буркнул адвокат, похлопывая по спинке кресла. – Лучше и быть не может!

– Я повторю, дорогой, – не обратив внимания на слова мужа, ответила Франсуаза, – это ГРУСТНАЯ новость для всех нас. Два дня назад скончалась твоя двоюродная бабушка.

– Старая карга и так слишком долго коптила небо, – проворчал де Бомон, хмыкнув.

– Имейте хоть какое-то уважение к покойной, сударь! – взорвалась мадам д'Эон. – В конце концов, это ЕЙ вы обязаны тем состоянием, которое одурманило вам голову.

Пожав плечами, Луи отошел в сторону.

– Итак, графиня Жуаньи скончалась, оставив нам все свое состояние. Теперь ты сможешь учиться в самом лучшем колледже в Париже.

– Вот уж нет! Я все решил, – перебил ее муж. – Он завтра же пойдет в подмастерья к господину Камбре и будет...

– Мой сын, Шарль Женевьева Луи Огюст Андре Тимоте д'Эон де Бомон, будет учиться в колледже Мазарини, сударь, хотите вы этого или нет! – сухо констатировала Франсуаза. – Или я сегодня же пойду к отцу Дезире на тайную исповедь и расскажу обо всем. О той тайне, благодаря которой нам всем гореть в Аду, ибо никакие праведные дела не смогут искупить наш грех.

– Хорошо, – вмиг поникнув, проговорил ее суп-руг. – Делайте так, как сочтете нужным, мадам.

Покинув гостиную, мсье де Бомон поднялся в свою комнату и заперся на ключ. Секрет семьи висел над ними точно Дамоклов меч. Тень этой тайны преследовала их днем и ночью. Опустившись на кровать, хозяин дома обхватил руками голову и застонал.

– Чертовы деньги... чертовы деньги... Господи, прости меня!

Глава 3. Взлет и падение

Версаль, осень 1744 года

Ноябрь 1744 года в Париже выдался крайне дождливым и холодным. Многие улочки, расширенные в 1660 году по указу Людовика XIV, превратились в бушующие реки, а площадь Руаяль, ставшая первым публичным местом отдыха в городе, и вовсе стала мутным озером. Местные жители, кутаясь в плащи и накидки, пропитанные влагой, проклинали погоду. Они то и дело поглядывали на небосвод в поисках хоть какого-то просвета. Но затяжной дождь и низкие тучи не давали надежды уставшим от непогоды людям.

На улице Бак, в очаровательном особняке, задумчиво глядя на потоки воды, струившиеся вдоль дома, возле окна сидела милостивая женщина двадцати семи лет. Герцогиня де Шатору, официальная фаворитка Людовика XV, томилась в ожидании вестей от короля. Прошла уже неделя, как ее возлюбленный вернулся в Париж из Меца, где едва не распрощался с жизнью, заболев лихорадкой, но он так и не изъявил желания увидеться с ней. С ней, с любовью всей его жизни, как не раз утверждал Луи, покрывая ее разгоряченное тело поцелуями!

Да, король сходил по ней с ума, ибо Мари-Анн доводила короля до иступления: то раззадоривала и распяляла его до крайности, то отказывала в удов-летворении, не открывая ему дверь, в которую монарх был вынужден стучаться чуть ли не всю ночь. Ровно год назад она приехала в Версаль, погостить у своей старшей сестры, очередной фаворитки любвеобильного короля. Увидев ее на одном из тайных ужинов в покоях тогдашней возлюбленной, Луи возжелал вкусить блаженства с прелестной гостьей. Но... будущая герцогиня отвергла ухаживания короля, чем весьма удивила не знавшего ни в чем отказа Людовика.

Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы добиться расположения Мари-Анн, которая и не думала уступать. Она отсылала назад письма, не распечатывая их, отказывалась принимать от него драгоценности и другие роскошные подношения. Но при этом она иногда писала влюбленному ТАКИЕ письма, что молодой король готов был продать дьяволу душу, лишь бы оказаться подле этой женщины.

В мучительных терзаниях прошло три месяца, но Людовик и не думал сдаваться, продолжая открыто ухаживать за Мари-Анн, невзирая на недовольство семьи и придворных. И вскоре старания короля увенчались успехом: неприступный бастион пал. Однако перед тем как отдаться Людовику, будущая герцогиня выдвинула ряд условий, которые были выполнены беспрекословно. А еще через месяц влюбившийся без памяти Луи присвоил любимой титул герцогини и подарил огромное поместье. Двадцать четвертого октября 1743 года мадам де Шатору была представлена ко двору в качестве официальной фаворитки.

Но это было тогда... Тогда Мари-Анн имела огромное влияние на короля. Благодаря ее стараниям Франция ввязалась в борьбу за австрийское наследство. Желая покрасоваться перед возлюбленной, Луи даже принял на себя командование французской армией во Фландрии и Эльзасе, хоть вначале и сильно сомневался в необходимости личного присутствия на поле боя. Но полученное от Мари-Анн как-то утром письмо воодушевило его на подвиги.

«Сир, как я уже говорила ранее, король должен заботиться о своём авторитете. Нужно ли вам напоминать, что раз уж народ ропщет, то вам следует сделать так, чтобы вы – стали им ближе, чтобы ваш голос – был голосом отца их, ваши слова нашли отзыв в сердцах. О Ваше Величество! Что может быть важнее и главнее для короля, чем быть окружённым счастливыми подданными? Вы упрекаете меня в том, что хочу подвергнуть вас опасности. Поверьте, я была далека от этого. Но ваша жизнь, как и вы сами, принадлежит государству. И вы отвечаете за детей своих. О, сир! Ваше присутствие вдохновит войска. Я даже не сомневаюсь, вы завоюете сердца народа, вселив в каждого из них уверенность и заставив их тем самым ринуться в бой. Мой возлюбленный король! Я опасаясь, что мое откровение может не понравиться вам,

но разве вы можете вменить мне в вину то, что я мечтаю о славе моего великого господина? Поверьте, если бы я не заботилась о вашем величии, о вашем триумфе, о вашем могуществе, то это значило бы, что я не люблю вас».

Герцогиня де Шатору оказалась права: присутствие короля воодушевило армию, благодаря чему было взято несколько крепостей. Эти победы принесли Людовику большую популярность во Франции. Но вскоре, оказавшись в Меце, король опасно заболел.

Боязнь смерти заставила Людовика XV не только удалить от себя фаворитку и покаяться в грехах, но и вернуться в лоно семьи.

– Вам предписано срочно покинуть Мец и возвратиться в Париж, – заявил духовник фаворитке, ожидавшей новостей в своей комнате.

– Это решение короля или ваше? – дерзко спросила та, внутренне похолодев от охватившего ее дурного предчувствия.

– Какое это имеет значение? – сложив руки на груди, отозвался отец Перюссо.

– Большое! – вскочив с кресла и швырнув книгу в сторону, воскликнула герцогиня. – Я должна увидеться с ним, слышите? Пусть он скажет мне в лицо, что разлюбил и не желает больше видеть.

– Увы, мадам, но это невозможно.

– Почему? Вы что-то скрываете от меня? Он... – Лицо Мари-Анн покрылось смертельной бледностью. – Он... умер?

– Нет, Ваша Светлость, пока наш возлюбленный король жив, хвала Создателю, но Его Величество находится в тяжелейшем состоянии.

– Это вы довели его до этого! – взорвалась герцогиня де Шатору, утратив над собой власть. – Вы пытаетесь отнять короля у меня! О вашей ненависти ко мне знают все.

– Поверьте, мадам, – ровным голосом заметил духовник, – если бы я на самом деле желал, чтобы вы впали в немилость, то, поверьте, вы давно бы уже оказались или в Бастилии, или же на плахе.

Герцогиня судорожно сглотнула. Помолчав немного, она приблизилась к отцу Перюссо и, упав перед ним на колени, взмолилась:

– Я должна быть подле короля. Я смогу помочь ему... Пожалуйста, разрешите мне пойти к нему.

– Я уже сказал вам, мадам, что король НЕ ЖЕЛАЕТ более видеть вас, – сухо повторил ее собеседник. – К тому же сегодня утром приехала королева, которая сейчас находится у Его Величества, что делает ваше присутствие невозможным.

Развернувшись, он подошел к двери.

– Через час вас будет ждать карета, – остановившись в проеме, равнодушно добавил духовник. – Уезжайте, герцогиня, для вас все уже кончено.

Закрыв за собою дверь, отец Перюссо удалился. Наконец-то ненавистная герцогиня де Шатору, влияние которой на короля парализовало волю Людовика XV, лишив его возможности принимать решения самостоятельно, покинет двор.

Но едва кризис миновал и Луи почувствовал себя лучше, как тотчас же забыл о данных Господу (в присутствии отца Перюссо) обещаниях. Король, несмотря на недовольство семьи и министров, захотел вновь воссоединиться с возлюбленной.

Именно поэтому, вернувшись в Париж, Мари-Анн надеялась на возобновление отношений. Фаворитка с содроганием вспоминала отъезд из Меца. Мадам де Шатору с сестрой убежали под градом оскорблений, грязных ругательств и угроз. Более того, самые ярые ненавистники даже бросали вслед фавориткам камни и ведра с протухшей водой. В другом городе, узнав карету любовницы короля, толпа намеревалась разбить ее и совершить самосуд над сестрами. Если бы не вмешательство городских чиновников, побоявшихся последствий, женщины вряд ли избежали бы линчевания, ибо все, от мала до велика, считали их виновницами болезни

короля. Вне всякого сомнения, самые страшные оскорбления предназначались герцогине де Шатору.

– От короля нет никаких известий? – спросила Мари-Анн сестру, герцогиню де Лорагэ, молча сидевшую на диване с вышивкой.

Оторвавшись от работы, бывшая любовница короля взглянула на сестрицу и покачала головой.

– Ничего не понимаю, – раздраженно заметила герцогиня де Шатору, с ненавистью окинув взглядом полную фигуру женщины. – Прошло чуть больше недели, а от Луи ни письма, ни весточки, ни знака внимания. Как будто я пустое место! И... и между нами ничего не было!

Аделаида пожалала плечами и продолжила вышивать. Уж кому, как не ей, было известно о недолговечной любви Его Величества: месяц, от силы два. Мари-Анн и так оставалась подле короля дольше остальных. Да, мадам де Лорагэ завидовала герцогине: еще никому не удавалось продержаться в статусе официальной фаворитки так долго, как ее сестре. Продержаться и не наскучить. Графиня де Майи, графиня де Вентимиль, затем она, герцогиня де Лорагэ... А сколько еще было девушек на одну ночь? Но все они канули в Лету, когда в один прекрасный день при дворе оказалась Мари-Анн. В Версале недоумевали!

– Едва появившись при дворе, эта выскочка, что ни говори, произвела сильное впечатление на короля, – судачили одни.

– Просто Его Величество устал от прошлых связей, ему нужны новые впечатления, – отвечали другие

– Она буквально околдовала его. Людовик не расстается с мадам де Шатору ни днем ни ночью, – шептались третьи.

– Недостойное поведение грязной шлюхи вызывает недовольство не только его семьи, – поддакивали недовольные действиями и влиянием новоиспеченной герцогини завистники. – Все больше людей при дворе осуждают Его Величество. Да и в других странах поговаривают, что король все политические вопросы решает в кровати фаворитки.

– Какой позор...

Такие разговоры витали в гостиных приближенных короля. Но того мало интересовали досужие сплетни. Он предпочитал делать лишь то, чего желал. «Я – король великого государства! А как говаривал мой прадед: «Государство – это я!»

– Тебе следует смириться со своей участью, как когда-то смирилась я, – после продолжительного молчания проговорила герцогиня де Лорагэ. – Когда-то это должно было произойти.

– Со мной НИКОГДА не произойдет того, что стало с тобой или нашими пустоголовыми сестрами. Я не допущу подобного! – презрительно фыркнула герцогиня де Шатору. – Не надо обладать большим умом, чтобы влезть в постель короля: смазливое личико, нескромный наряд, томный, полный страсти взгляд, – и вот перед тобой распахнулась заветная дверь, ведущая в Рай. Но остаться в спальне надолго... для этого нужно иметь талант, а не формы, которыми обладаешь ты.

– Вот только ты, со своими способностями и умом, которыми ты так гордишься, сейчас сидишь в неотопляемом доме, – буркнула Адель, обиженно насупившись. – Еще немного, и нам придется продавать драгоценности, чтобы оплачивать счета, а их у нас накопилось немало. В то время как король уже и думать забыл о тебе. Кстати, мне тут птичка принесла весточку, что он, в знак признательности и внимания, которое оказывала королева ему во время болезни, воссоединился с семьей. И не просто воссоединился, а даже делит ложе с супругой. Как в старые добрые времена.

– Это откровенное вранье! – вскричала Мари-Анн, гневно поглядев на сестру. – Ты так говоришь, потому что всегда завидовала мне. Моему богатству, моему влиянию на Луи, завидовала тому, что я, в отличие от вас, жила в прекрасных апартаментах в Версале, а не занима-

лась любовью в маленьких грязных комнатах или на лестницах, как ты. Завидовала тому, что я имела свой двор, и король открыто приходил ко мне ужинать. Я получала все, что хотела! Даже деньги из королевской казны на свои нужды!

– Вот именно «приходил»! – злорадствовала Аделаида, довольная тем, что смогла уязвить сес-трицу. – А теперь он проводит тихие вечера со своими детьми и женой.

– Его Величеству такое времяпрепровождение скоро наскучит, – ухмыльнулась герцогиня де Шатору. – Уж я-то его хорошо знаю. И вот тогда правитель вспомнит обо мне.

– Ты слишком наивна, моя дорогая сестра. Не ты ли вчера жаловалась мне, что в парке видела эту... мадам д'Этьоль. Та уже давно вьется, точь-в-точь как коршун, над твоим Людовиком, мечтает прибрать к рукам. Разве ты забыла, как отчитала ее за наглость?

– О да, – усмехнулась Мари-Анн, – я посоветовала этой деревенщине сидеть в своем имении в окружении гусей и кур, а не разгуливать по тем местам, где бывает король, дабы не пугать Его Величество своей неказистой внешностью и безобразным воспитанием.

– Она так ужасна?

– На мой вкус, совсем невыразительна. В ней нет ни аристократичности, ни утонченности, ни изящества. К тому же она обладает неправильными чертами: слишком высокие скулы, слишком тяжелый подбородок, слишком смуглая кожа... фи, mauvais ton...⁷ В общем, так... серая мышка. Одним словом, производит впечатление неотесанной девицы, которой повезло, что ее вообще позвали замуж, – констатировала герцогиня. – Не понимаю, на что она рассчитывает?

– Кто знает, кто знает, – продолжая вышивать, проговорила Адель. – Иногда вот такие серые мышки и творят историю.

Мари-Анн обернулась и уставилась на сестру, не отрывая взгляда.

– Что-что? Мой Бог, – насмешливо сказала она. – Не верю своим ушам. Это первая здравая мысль, зародившаяся в глупой голове за всю твою жизнь. Откуда? Ты не перестаешь удивлять меня, Адель!

Покраснев до корней волос, герцогиня де Логарэ опустила голову, смутившись.

– Я... я прочитала одну из твоих книг, – пролепетала она. – «Размышления о причинах величия и падения римлян», философско-исторический трактат Шарля-Луи де Монтескье. Ты же не сердись на меня за то, что я взяла ее без спроса?

– Я? – придя в себя от удивления, проговорила Мари-Анн. – Безусловно, нет. Меня просто поразили твои слова, дорогая сестра. За всю свою жизнь ты не прочла ни одной книги, кроме Библии, разумеется.

– Лучше поздно, чем никогда...

В это время в дверь постучали, и на пороге появился слуга.

– Ваша Светлость, вам просили передать письмо, – поклонившись, вымолвил он.

– От кого письмо? – насторожилась Мари-Анн, сердце которой ушло в пятки.

После отставки и отъезда из Меца герцогиня была уверена, хоть и не делилась с сестрой этими опасениями, что самое худшее еще впереди.

– Его принес королевский слуга, – с готовностью ответил дворецкий. – Он ожидает ответа внизу.

– Пусть уходит и забирает письмо назад. Я не буду его читать, – капризно заявила герцогиня де Шатору. – Вы свободны!

– Слушаюсь, миледи, – слуга поклонился еще раз и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, Аделаида, отшвырнув вышивку, подскочила к продолжавшей стоять возле окна сестре.

⁷ Дурной тон.

– Ты сошла с ума? – набросилась на нее Адель. – Нам почти нечего есть и нечем топить дом, а ты отсылаешь посланника короля, даже не прочитав письма. А ну как правитель зовет тебя обратно в Версаль? Ты не думала об этом? КАК мы теперь узнаем, о чем Луи написал тебе?

– Или говорит в очередной раз, что не желает больше меня видеть, – предположила Мари-Анн, бросив недовольный взгляд на сестру. – Дорогая, если бы Его Величество хотел, чтобы я вернулась к нему, то приехал бы сам, а не присылал какого-то гонца. Видимо, Адель, для меня, собственно, как и для тебя, в самом деле все кончено. Людовик не хочет меня больше видеть. Король отказался от меня. Что ж... Теперь мы должны сами о себе позаботиться. Такова его воля...

Внезапно дверь распахнулась, и на пороге показался разгневанный Людовик XV, одетый в костюм королевского пажа.

– Как вы смеете, мадам, отвергать посланца самого могущественного короля Европы? Откуда такая наглость? Кто вы такая, герцогиня, чтобы вести себя с нами подобным образом?

Опешившие от неожиданного появления короля сестры молчали. Первой пришла в себя Мари-Анн. Горделиво вскинув голову, она неспешно зашагала к побагровевшему от гнева королю. Поравнявшись с ним, она сделала почтительный книксен и, пристально всмотревшись в лицо возлюбленного, сухо произнесла:

– Я та, сир, которую вы с позором изгнали из Меца несколько недель назад. Я та, которую чуть не разорвали на части по пути в Париж. Я та, которую оскорбляла чернь, называя королевской шлюхой. Я та, которую вы бросили на произвол судьбы и ради... ради кого? Женщины, которая не разделяет ваших идеалов и интересов? Женщины, на которой вы женились по необходимости? Этого мало? Уходите, Ваше Величество, забудьте дорогу в мой дом. Я не желаю больше видеть вас. Вы растоптали нашу любовь. Вы отреклись от меня!

– О нет! Не смейте так говорить! – вскричал Луи, схватив ее за руку. – Вы же знаете, что моя душа и мое сердце принадлежат исключительно вам!.. Да, признаюсь, я смалодушничал, послушавшись этих болванов-духовников, которые, воспользовавшись моей болезнью, внушили мне, что из-за нашей связи я буду вечно гореть в Аду... Нет... В Аду я живу сейчас. Не проходило и дня, чтобы я не сожалел о том, что приказал вам уехать... Мари, простите меня. Это ОНИ обманом вынудили меня отречься от вас, чья вина заключается лишь в том, что вы чрезмерно любите меня. Разве я не прав? Вы же еще любите меня?

– И вы еще сомневаетесь в этом, сир? – обвив шею короля руками и наградив жарким поцелуем, прошептала герцогиня. – Вы моя жизнь, свежий весенний воздух, моя живительная влага. Я люблю вас всем сердцем, мой король, мой властелин, мой господин...

Изнемогая от вожделения, Людовик хотел было заключить любовницу в объятия, но та проворно вырвалась и, отойдя на несколько шагов от него, села на диван, украшенный позолоченной бахромой. Аделаида, затаив дыхание, наблюдала разыгрывавшуюся на ее глазах сценку, поражаясь смелости сестры, которую, как она полагала, явно ждет виселица за дерзость и самонадеянность. А раз так... то тогда у нее, герцогини де Лорагэ, появится возможность вновь оказаться подле короля. «Пусть Мари-Анн копает себе могилу собственными руками и дальше, – подумала Адель, прищурившись. – Я и полсловечка не скажу ей об опасности».

– Мы... мы... я не понимаю! – нахохлился Луи, отвыкший от подобного обращения. – Вы ОТВЕР-ГАЕТЕ меня? Слыханное ли дело! Меня! Короля Франции! Я не потерплю подобного отношения. Берегитесь, миледи. Вы избрали опасный путь, ходя по краю пропасти.

Раздосадованный странным поведением фаворитка, он развернулся на каблуках и решительно поспешил к выходу.

– Ваше Величество, – услышал правитель за спиной, – но вы не сказали, любите ли ВЫ меня еще, нужна ли я вам? Разве я так многого прошу от вас? Лишь подтверждения того, что в вашем сердце осталось место для рабыни, доведенной до отчаяния вашим безразличием...

Но вы уходите, не сказав мне ни слова. И что осталось мне от вас и от нашей любви? Лишь угрозы... опять бесконечные угрозы. Я так несчастна!

Сказав это, Мари-Анн расплакалась. Она никогда не позволяла себе быть слабой, но, правильно оценив ситуацию, герцогиня де Шатору справедливо предположила, что сейчас слезы – единственный способ заставить короля забыть о гневе и вернуться. Расчет оказался верным, ибо Луи, не выдержав вида рыдающей любимой, бросился к ней и, упав на колени, принялся покрывать ее заплаканное лицо страстными поцелуями.

– Моя дорогая... не нужно слез... они разрывают мое сердце на множество частей. Я... очень хочу, чтобы вы вернулись в Версаль вместе со мной... Пожалуйста, скажите, что все будет по-старому. Прошу вас!

– Вернуться в Версаль? – слезы тотчас же высохли на лице герцогини. – Ни за что! Чтобы опять за моей спиной шептались и плели заговоры? Они ненавидят меня!

– *Ma chère*, – целуя ее руки, проговорил король. – Неправда! Люди любят вас. А тот, кто настроен против вашего присутствия возле меня, будет терпеть, ибо мое слово – закон. Я так решил! Вы вернетесь со мной в Версаль и займете комнаты рядом с кабинетом, чтобы я в любую минуту мог видеть вас.

– Я вернусь с вами лишь при одном условии, – капризным тоном заявила Мари-Анн, отстранив Луи.

Она встала с дивана и подошла к окну. Людовик устремил взгляд на герцогиню, высокомерный вид которой еще больше распалил в нем страсть. Он жаждал обладать этой женщиной, жаждал вновь предаться плотскому греху. Его низменные желания были столь горячи, что, вскочив на ноги, король быстрым шагом подошел к Мари-Анн и, схватив ее, сильно прижал к себе.

– Все, что вы хотите, *ma belle*. Я сделаю все, чего бы вы ни пожелали.

Заглянув в глаза короля, фаворитка стыдливо опустила взор и пролепетала ележным голосом:

– Вы и впрямь исполните свое обещание, сир? Вы не обманете меня, воспользовавшись моей слабостью?

– Иначе и быть не может, моя чаровница. Король всегда держит свое слово.

– Тогда, – любовница прильнула к Людовику и зашептала ему на ушко: – раз вы все еще любите меня, то прогоните герцога де Буйона, герцога де Шатийона, Ларошфуко, Балероя, отца Перюссо и епископа Суассонского. Пока они подле вас, мне не будет покоя. Они жаждут моего низвержения, моей смерти. Умоляю вас, Ваше Величество, защитите свою несчастную рабу, сгорающую от любви к вам!

– Я сделаю все, как вы пожелаете, миледи, – отозвался король, покрывая поцелуями шею фаворитки.

Его руки скользнули по покатым плечам герцогини и обнажили их. Бросив красноречивый взгляд на сестру, Мари-Анн жестом выпроводила ее из комнаты.

Герцогиня де Шатору добилась своего: ее враги были отосланы, а она вновь заняла выделенные ей покои, заставив королеву кусать губы от обиды. Вернувшись с триумфом в Версаль, Мари-Анн принялась там хозяйничать, теперь не обращая внимания ни на кого.

– Бесстыдница... распутница... грязная шлюха... греховодница, – шептались у нее за спиной придворные, презрительно глядевшие вслед фаворитке каждый раз, когда та горделиво и величественно шествовала по залам дворца.

Недовольство нарастало с каждым днем, а ее внезапное появление на совете у короля подлило масла в огонь.

– Мало того, что эта нахалка разрушает семейные устои королевского двора, ведя себя в Версале так, словно она королева Франции, так герцогиня де Шатору еще и советует всем нам, как нужно проводить внешнюю и внутреннюю политику Франции, – выходя из кабинета

короля, пожаловался Франсуа де Берни, министр короля, своему собеседнику, Пьеру де Тансену. – Слыханное ли дело!

– Любезный друг, возможно, вы преувеличиваете ее влияние, – попытался успокоить друга архиепископ Лионский, судьба которого висела на волоске из-за несогласия Жан-Батиста де Машо с его финансовой политикой. – Она лишь одна из фавориток. Сегодня она, завтра другая займет ее место. Стоит просто-напросто подождать. Король легкомыслен, живет одним днем. Из чего я могу заключить, что на него можно, а главное, нужно влиять.

– Подождать? – усмехнулся Берни, исподлобья поглядев на собеседника. – Помнится, год назад вы говорили то же самое. Тогда мне, так же, как и вам, казалось, что ее присутствие только временно, что, пресытившись прелестями фаворитки, король отошлет любовницу подальше. Но мы все ошиблись! Герцог Эгильон переиграл нас.

– Время работает на нас, Франсуа... Да-да, именно так: время работает на нас, – обратив глубокомысленный взор на аббата, отозвался министр. – Кстати, вы видели вчера на балу некую особу, мадам д'Этиоль? Меня познакомил с ней один банкир.

– Да-да, припоминаю... Еще одна мещанка? – поморщился Берни. – Куда катится мир? Провинциалки просто заполнили двор!

– Может, оно и так, но без помощи их покровителей мы бы не смогли ни вести войну, ни пополнять казну и... чего греха таить, наши карманы... Так вы не сказали: как она вам?

– Что ж, могу сказать, что она довольно-таки милостива, – задумался аббат. – Не слишком красива, но в ней что-то есть. Она притягивает взгляды.

– Как вы думаете: она могла бы понравиться королю?

– Трудно предугадать. Вы же знаете Его Величество...

Тут Берни пристально взглянул на Тансена и, прищурившись, спросил:

– Какую игру вы затеяли, мой дорогой друг?

– А ту, в которой НАША пешка будет выполнять все НАШИ требования, нашептывая по ночам королю НАШИ желания. Разве вы хотите не того же самого?

– Тшшш, – предостерег его аббат, оглянувшись по сторонам. – Вы слишком громко разглаживаете о таких серьезных вещах... Идемте-ка ко мне, Пьер. Я угощу вас чудесным вином. Такого вы еще не пробовали, обещаю! Дома и обсудим наши дела и... планы.

Глава 4. С чистого листа

Версаль, декабрь 1744 года

Дождливая ноябрьская погода сменилась пасмурными, морозными декабрьскими днями. Деревья сбросили листву, и их корявые скрюченные лапы чернели на сером небосклоне. Зима вступила в свои права, подарив людям ощущение опустошенности и бесконечного одиночества. Фонтаны в парке уже не работали, последние цветы давно поблекли, птицы перестали петь звонкие песни, а люди, кутаясь в мантии и плащи, спешили по делам или празднично прогуливались, как это делали придворные в королевской резиденции.

– Не пора ли домой? – раздраженно спросила Адель в очередной раз, кутаясь в подбитую мехом накидку. – Я ужасно замерзла. Мари! О чем ты все время думаешь?

Фаворитка короля медленно шла по дорожкам парка, задумчиво глядя себе под ноги. Она погрузилась в невеселые думы, совершенно не слыша нытья сестры и не чувствуя пронизывающего холода. Бледность лица и покрасневшие глаза говорили о том, что сегодня она провела беспокойную ночь. Но виновником бессонницы был отнюдь не король, пожелавший накануне остаться один в спальне. Вернувшись к себе в покои после очередного театрального представления, которое она устроила, чтобы повеселить короля, Мари-Анн наткнулась на письмо, содержание которого успело врезаться в память, несмотря на то что герцогиня тотчас же сожгла его.

«Ваша жизнь в опасности. Послушайтесь доброго совета и навсегда покиньте дворец, ибо смерть уже следует за вами по пятам. На вас лежит ее печать. Берегитесь!»

«Кто бы мог это написать? – крутилось у нее в голове. – Зачем кому-то предупреждать меня. И, собственно, о чем? О какой опасности идет речь? Совершенно очевидно, что кто-то пытается выпроводить меня из Версаля. Хм... не бывает этому! Я не доставлю никому удовольствия увидеть мой трусливый побег!»

Решив не обращать внимания на предостережение и оставаться во дворце во что бы то ни стало, фаворитка все равно пребывала в подавленном состоянии.

– Да что с тобой? – не выдержав, воскликнула Аделаида. – На тебе лица нет! Что-то стряслось? Король тебя выгнал? Он отказывается с тобой спать? Мы должны уехать восвояси и опять голодать? Ну говори, не молчи, ради Пресвятой Девы. Не пугай меня своим молчанием!

– Господи, Дели, неужели тебя интересуют лишь твоё благополучие и плотские утехи? Твоя глупость порой убивает меня. Просто невыносимо слушать твои бредни!

Герцогиня де Логарэ надула губки и отвернулась, метнув на сестру злобный взгляд. Заметив его, герцогиня де Шатору невольно попятилась.

«А может, то письмо написала Адель? Хотя, нет. Во-первых, сестренка вряд ли смогла бы грамотно его написать, уж это-то я точно знаю, а во-вторых, едва ли сумела бы до такого додуматься сама... сама... а что, если кто-то подсказал ей? А что, если она писала под чью-то диктовку? Такое тоже возможно. А что, если Аделаида стала орудием в борьбе моих недругов против меня?»

Покосившись на стоящую рядом сестру, Мари-Анн представила картину: ее сестра пишет письмо в окружении стоящих людей.

«Нет, чушь какая-то, – отмахиваясь от наваждения, подумала герцогиня. – Это лишь мое больное воображение... Что-то мне нехорошо. Господи, почему у меня сегодня так болит живот? Адель права, нужно уже идти домой. Мне следует прилечь и позвать врача. Пусть даст какой-нибудь отвар или микстуру, что ли».

– Не сердись, сестренка, – отзываясь на очередной упрек, проговорила герцогиня де Шатору, – я на самом деле неважно сегодня спала... голова болела всю ночь, да и думы тревожили.

– Почему? Тебя что-то беспокоит? – с озабоченным видом поинтересовалась Аделаида.
– Сказать по правде, у меня уже несколько дней болит живот и постоянно тошнит.
– Хм... Видимо, ты в положении? – отстраняясь от сестры, задала вопрос Адель.
– Ох, не бросай меня, – повиснув на сестре, взмолилась Мари-Анн, почувствовав головокружение и новый приступ накатившей тошноты. – Увы, нет. К несчастью, мне так и не удалось за все это время забеременеть от короля... будь так, я была бы уверена в своем будущем, но, увы.

– Но твое самочувствие... эти приступы, твоя бледность, постоянная усталость, – все это как раз очень напоминает...

– ...вчера врач уже осматривал меня, – перебила сестру Мари-Анн.

– И что?

– К глубокому сожалению, нет, – скорбно констатировала метресса.

– Тогда что? Почему ты в таком состоянии?

– Доктор не знает. Прописал какое-то снадобье, но от него мне стало только хуже.

– Вот что, – схватив сестру за талию, проговорила Адель, – идем скорее домой. Тебе стоит прилечь. Я попрошу, чтобы Людовику сообщили о твоей болезни; может, наш правитель поможет...

– Нет-нет! Не надо ничего ему сообщать! – запротестовала герцогиня де Шатору. – Он должен сегодня прийти ко мне... он обещал провести сегодня со мной не только весь вечер, но и всю ночь.

– Какую ночь! Да ты на ногах еле стоишь!

– Мне надо... я должна, – простонала фаворитка, схватившись за живот. – Иначе я потеряю его расположение. Подумай, что тогда с нами станет? Вспомни, что случилось, когда королева отвергла его? Наш господин сразу потерял к ней интерес, быстро найдя замену. Со мной произойдет то же самое. Повторяю, я не могу потерять его!

– Ты сошла с ума! Ты убьешь себя!

– Лучше уж быстрая смерть, чем жить в захолустье, считая каждый грош, с мыслями о том, что в этот самый миг Луи развлекается с очередной девкой, балуя ее подарками и всевозможными лакомствами.

– Ты фантазируешь, сестра, – хмыкнула герцогиня, – ему никто, кроме тебя, не нужен, сама знаешь. Ну, с кем он будет развлекаться? Людовик любит тебя!

– С кем? А, например, с тобой, – покосилась на Адель герцогиня де Шатору.

Одутловатое лицо Аделаиды покрылось красными пятнами. Смутившись, сестра фаворитки явно почувствовала себя неуютно. Она опустила глаза и нервно хихикнула.

– Ты выдумываешь невесть что, дорогая. Посмотри, кто ты, а кто я. Во мне нет ни твоей грации, ни талантов, ни смекалки. Что я могу дать королю? Кроме себя, больше нечего.

Мари-Анн отпрянула от Логарэ и пристально принялась разглядывать спутницу.

– Так, похоже, я была права... права. Ты... ты хочешь занять мое место. Вот в чем причина твоей доброты. Ты осталась со мной, в отличие от других сестер, лишь для того чтобы как можно чаще попадаться на глаза королю, в надежде на то, что Луи вновь захочет быть с тобой. Ты... ты... ты лгала мне с самого начала. Боже! Как же я глупа! Как я не догадалась раньше!.. И та записка – твоих рук дело. Теперь я точно уверена в этом.

– Какая записка? О чем это ты? В чем ты обвиняешь меня? – с вызовом произнесла герцогиня, недоуменно уставившись на сестру.

– Записка, которую я нашла вчера в своей спальне. Кроме тебя и Лили никто не мог попасть в мои покои. Служанку я допросила сегодня, пригрозив выслать из дворца, если та соврет мне. Она клятвенно уверяла, что не знает ни о каком письме. Из чего следует заключить, что гнусная проделка – твоих рук дело.

– Мари, ты не в себе! Пойдем, – протянув сестре руку, успокоительно промолвила Адель. – Давай обсудим все во дворце. Смотри, дождь уже начал накрапывать. Мы намокнем и простудимся. Дорогая, ты идешь?

Герцогиня де Шатору попятилась назад и, глядя на герцогиню глазами, полными ненависти, зло проговорила:

– Убери от меня руки. Не смей трогать меня! Ты сегодня же покинешь Версаль. Иначе... иначе тебя упекут в Бастилию, где ты проведешь остаток своих никчемных дней. А я уж постараюсь обеспечить тебе самую грязную и вонючую камеру. Тебя посадят на хлеб и воду. Вместо роскошных платьев ты будешь носить лишь грязные лохмотья, а твоими друзьями станут мерзкие подвальные крысы.

– Мари-Анн, ты не в себе и не понимаешь, что говоришь, – нахмурилась Аделаида, осознавая, что разговор с сестрой зашел слишком далеко. – Ты серьезно больна и тебе немедленно нужно в постель. Я позову кого-нибудь, чтобы они помогли тебе дойти.

– Не следует никого звать! Вы все... да-да, все желаете моей смерти. Я никому не верю! Это заговор... самый настоящий заговор против меня! – воскликнула герцогиня де Шатору, согнувшись в три погибели от нового приступа боли.

Увидев, что сестра находится в полуобморочном состоянии, Адель хотела было прийти ей на выручку, но метресса жестом приказала ей остановиться.

– Прочь! Отойди от меня! Я... сама... слышишь? САМА! И не смей идти за мной. Я больше не нуждаюсь в твоей помощи.

Держась за живот, герцогиня де Шатору медленно побрела в сторону дворца. К приступу боли в области горла и живота, затуманившему ее разум, прибавились еще и кашель, сильная жажда и удушье. Ей казалось, что костлявые руки смерти сомкнулись на ее шее и принялись сжимать горло.

«Господи, что со мной происходит? – подумала она. – Как я в таком состоянии буду принимать Луи? Что правитель подумает? Он такой мнительный! Что ж... у меня еще есть время. Мне нужно прилечь и немного поспать, и тогда все образуется. Моя слабость – следствие бессонной ночи, не более. Я немного вздремну сейчас, и от плохого самочувствия не останется и следа».

Но чем ближе она подходила к дворцу, тем хуже ей становилось. С трудом взобравшись по ступенькам, Мари-Анн, буквально едва переставляя ноги, подошла к дверям.

– Ваше Светлость, вам плохо? – задал вопрос вышедший навстречу мажордом. – Я могу вам чем-то... Ваше Светлость, Ваше Светлость! Кто-нибудь! Помогите!..

Мужчина подхватил упавшую без чувств герцогиню де Шатору.

– Чего ты стоишь, болван, – набросился дворецкий на стоявшего рядом гвардейца. – Беги, зови на помощь!

Сбежавшиеся на крик слуги помогли донести впавшую в беспамятство фаворитку в ее покои. Бледная, как сама смерть, Мари-Анн лежала на кровати, не подавая признаков жизни.

– Мсье Легран, она поправится? – со слезами на глазах спросила врача Адель. – О, пожалуйста, скажите, что с ней все будет хорошо! Умоляю вас!

– Мадемуазель, мне хотелось бы утешить вас, заверив, что самое страшное осталось позади, но, боюсь, мне нечем вас обнадежить. Герцогиня де Шатору умирает. Я удивлен тому, что она до сих пор жива.

– То есть? – вопросительно глядя на доктора, спросил камердинер короля, пришедший в покои фаворитки, узнав о несчастье. – Что вы хотите этим сказать?

– Только то, господин Марвий, что изумлен тем, что герцогиня еще не предстала перед Создателем, ибо действие мышьяка...

– Мышьяка, вы сказали? – перебила его Аделаида, посерев. – Но как такое возможно? Здесь, в Версале? Слыханное ли дело?

– Но тем не менее, я совершенно уверен, что мадам де Шатору отравили. По крайней мере, все признаки красноречиво говорят об этом.

– Значит... она умирает?

Герцогиня Логарэ, упав на колени перед кроватью, залилась горькими слезами.

– Нельзя ничего сделать? – вопросительно посмотрев на врача, спросил камердинер короля.

– Увы, слишком поздно. Мадам осталось жить менее суток, и это оптимистичный прогноз. Передайте королю, что мне очень жаль.

– Дайте мне знать, когда сие событие произойдет.

– Непременно, мсье.

Слегка кивнув, господин Марвий удалился, оставив доктора, священника и сестру фаворитки наедине с умирающей, сердце которой ближе к полуночи перестало биться.

– Ваше Величество, – войдя в спальню короля, доложил камердинер, – мне сейчас доложили, что герцогиня де Шатору скончалась. Будут ли какие-нибудь указания?

– Хм... скончалась, – заметил Луи, вертя в руках медальон, подаренный теперь уже бывшей возлюбленной. – Что ж... такова воля Господа нашего. И мы принимаем ее. Распорядитесь, чтобы бранные останки отправили из дворца в имение герцогини, где мадам и найдет последнее пристанище, как можно скорее. Версаль не город мертвых. Мы не желаем больше видеть смерть. Идите!

Едва за слугой закрылась дверь, как Людовик вскочил с кресла, стоявшего подле камина, в котором весело потрескивал огонь, и принялся ходить взад-вперед, размышляя о только что почившей любимой женщине. Затем он остановился напротив очага и, с минуту поглядев на медальон, швырнул его в огонь.

Глава 5. Пророчество

Санкт-Петербург, ноябрь 1745 года

В великолепных покоях императрицы Всероссийской Елизаветы Петровны, привыкшей удаляться в спальню далеко за полночь, послышалось радостное чириканье, доносившееся со всех сторон.

– Тише вы, проклятушие, – цыкнула на птиц Авдотья Семеновна, камер-юнгфера императрицы. – Чего разорались? Матушка только почивать изволила, а они тут как тут. Вот бесы окаянные!

– Авдотья, не ругайся на них, – остановила ее Елизавета. – Они по природе живут, не то, что я. Вот сколько раз зарок давала себе – ложиться вовремя, ан нет. Не дает мой задор вести мне праведную жизнь. Так что пушай чирикают. Я люблю засыпать под их щебет.

– Как изволишь, матушка, как изволишь, – заботливо поправляя одеяло государыни, ответила Авдотья. – Спокойной ночи, Господь да защитит тебя от всякой напасти.

– Да что-то не спится мне, Авдотьюшка, думы думаю.

– Так думы утром думать надобно, а ночь-то не для этого дана.

– Верно толкуешь, милая, – согласилась с ней императрица, любившая перед сном поговорить с любимицей, – да вот только не до сна мне.

– А чего не спится? Аль нового соколика приглядела? – лукаво посмотрела на нее наперсница, ведавшая обо всех сердечных делах государыни. – То-то я смотрю: не пьешь, не ешь.

– Да будет тебе, – рассмеялась императрица, которую вторую ночь одолевали кошмары. – Ежели б в этом было дело, то я бы не теряла время даром.

– Тогда в чем?

– Да снится мне один и тот же сон уже несколько дней подряд: что витает надо мной черный ворон, смотрит человеческими глазами и молчит. А глаза не добрые, злые. Я гоню его прочь, а он отлетит на небольшое расстояние, а потом опять возвращается и продолжает молчаливый полет. Под ногами выжженная трава, небо заволочено свинцовыми тучами, вдали слышатся раскаты грома. Мне страшно, ибо я стою одна в чистом поле, а значит, ждать помощи-то неоткуда. Внезапно птица камнем летит вниз и падает замертво подле меня... От ужаса-то я и просыпаюсь. Вот к чему этот сон? Как считаешь?

– Странный сон, матушка, очень странный, – озабоченно молвила Авдотья. – По поверью, стоит тебе ждать изменений в жизни. Черный ворон, как мне говорила покойная бабка, предупреждает о недуге дорогого друга. А ворон-то один был?

– Один, Авдотьюшка, один.

– Ну и слава Богу, а коли несколько, то ждать гибель неминуемую.

Императрица охнула и перекрестилась.

– Не пугай меня, и так еле жива от страха.

– Матушка, так это ж не я, а народная мудрость, поверье.

– И что говорится в поверье?

– А то, что ворон – птица, которая питается падалью и трупами, является предвестником несчастья, бед, плохих известий и даже чьей-то гибели. Но в первую очередь – это символ мудрости и одиночества.

– Одиночества, – повторила Елизавета, задумавшись. – Знать, коротать мне век одной.

– Ой ли тебе, матушка, горевать об этом? – хитро посмотрев на императрицу, спросила любимица. – Вона Алексей Григорьевич какой красавчик, да и умом хоть и не блещет, но толковые советы дать может. Да и братья Шуваловы...

– Болтаешь много, – оборвала ее Елизавета. – Смотри, как бы язык не пришлось подрезать.

– Молчу, матушка, молчу.

В опочивальне повисла пауза. Авдотья, сидевшая в кресле возле кровати императрицы, то и дело бросала встревоженные взгляды на Елизавету. Выросшая среди бабок, близкая подруга государыни как никто другой знала, чем мог обернуться тот дурной сон.

– Не приходил ли из Англии корабль? Чай уже должен, – неожиданно заинтересовалась императрица.

– Так уже третьего дня стоит в порту, – ответила Авдотья. – Сама лично его видела.

– Как стоит? – присев на кровати, спросила Елизавета, потемнев лицом. – Почему мне не доложили? Как возможно такое пренебрежение? Где мой гардеробмейстер? Да я сошлю его в Сибирь! Как он посмел манкировать своими обязанностями?

Вскочив с кровати, государыня решительным шагом двинулась к двери.

– Куда ты, матушка? – удивилась любимица. – Время-то еще раннее. Да ты еще и не почивала.

– Как я могу почивать, коли моим приказам смеют прекословить? Императрица я или нет? Как такое возможно? Позвать мне Лешку... хочу, чтобы он ответ дал!

Скрывшись за дверью, рассерженная Елизавета устремилась в свой кабинет.

– Вот тебе и черный ворон, – пробормотала Авдотья, наспех одевшись. – Не зря кружил... жди беды! Ну что ты медлишь, разиня? Подавай скорее турнюр! Что ты стоишь? Вот пожалуюсь на тебя нашей государыне, будешь знать, как терять время даром. Совсем распоясались, бездельницы! И отнесите скорее домашнее платье Ее Величеству Государыне... да какое ты берешь, раззява? Вон тот, что с большими цветами и на меху, чай не лето уже, правда, и лето-то выдалось этим годом больно холодное... И платок не забудь, негоже в такую сырость матушке мерзнуть! Ух, ты у меня дождешься!

Женщина наконец-то выскользнула из спальни и побежала выполнять распоряжение государыни, ругая про себя ленивых девок-служанок за нерасторопность.

А тем временем Елизавета Петровна ходила из угла в угол по кабинету, поджидая своего фаворита Алексея Григорьевича Разумовского, единственного человека, который мог хоть как-то усмирить воинственный нрав дочери великого Петра.

– Ну наконец-то, – сурово заметила она, когда в комнату вошел красивый высокий черноглазый мужчина, лет тридцати пяти, в парчовом шлафроке.

– Вы стали нерасторопны, сударь, получив от меня графский титул.

– Лизонька, ты чего? – подходя к императрице, начал было гость. – Ты чего так рано? Иль еще не ложились? Ну не серчай! Я пришел сразу, как только Авдотья сообщила, что ты хочешь меня видеть.

– Да как ты смеешь меня так называть! – прикрикнула на мужчину Елизавета, гневно блестя глазами. – После того, как осмелился нарушить мой приказ! После того, как твой человек пренебрег своими обязанностями? Да кто он такой? Отвечай!

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – недоуменно проговорил Разумовский, с удивлением уставившись на нее. – Что я сделал такого, чтобы заслужить твою немилость? Я стараюсь не вмешиваться в придворные интриги и держаться в стороне от большой политики. И коль я стремительно возвысился до графа, в чем ты сейчас меня обвиняешь, то исключительно благодаря тебе. К тому же, насколько я помню, я не просил тебя об этом. Поэтому спрошу тебя еще раз: за что такая немилость?

– За что? А вот за что! – яростно набросилась на него возлюбленная. – Вместо того, чтобы прохлаждаться в своих покоях в то время, когда я занята государственными делами...

– Чем ты недовольна? – перебил ее Алексей Григорьевич. – Или ты думаешь, что было бы лучше, если бы я совал свой нос в дела, в которых ничего не понимаю?

– Не смей меня перебивать! Да кто ты такой, что споришь со мной? Я – императрица всея Руси! Я – дочь великого Петра!

Привыкший к постоянным вспышкам гнева возлюбленной, граф Разумовский даже бровью не повел. «Ночного императора», как прозвали его при дворе (разумеется, за глаза), было невозможно вывести из равновесия. Он прекрасно знал, что когда буря уляжется, то она будет просить прощения за свою несдержанность. Так было не раз, и так будет до тех пор, пока Алексей, бывший пастух, живет в ее сердце. Мужчина молча устался на Елизавету.

– Почему ты молчишь? – не выдержав его взгляда, поинтересовалась государыня. – Ты ничего не хочешь сказать в свое оправдание?

– Я ничем не виноват перед вами, всемилостивейшая императрица, – сухо заметил граф, – но ежели вы считаете меня виновным в тяжком преступлении, то готов понести самое суровое наказание. Но только не лишайте меня своей милости, прошу вас, умоляю.

И тут он посмотрел на возлюбленную таким проникновенным взглядом, в котором читались неподдельная любовь и уважение к дорогому и близкому человеку, а не страх перед государыней, что Елизавета смутилась и опустила глаза.

Да, граф Разумовский был единственным, кому удавалось укротить «стихию, очень часто метавшую гром и молнии». О припадках гнева и ярости Елизаветы ходили легенды не только в России, но и за ее пределами. Дочь Петра обладала твердым, но взрывным характером, не терпящим возражений. Проступок или непослушание могли обернуться для придворных настоящей расправой со стороны государыни. Особенно это касалось моды. Если в делах политики императрица осторожничала и всецело полагалась на канцлера Бестужева-Рюмина и вице-канцлера графа Воронцова, то на этом «поле боя» она вела непримиримую борьбу за превосходство, не позволяя никому из придворных дам превзойти ее.

Императрица была ревностной модницей, именно поэтому требовала, чтобы торговцы, прибывающие в порт Санкт-Петербурга, первым делом демонстрировали товар специальным людям, отбиравшим для государыни все самое лучшее. Став императрицей, Елизавета Петровна наслаждалась неслыханной роскошью, не ограничивая себя ни в чем и меняя туалеты не менее двух раз на день.

После воцарения ее на престоле в штате государыни появился даже особый придворный чин, который неустанно следил за расписанием французских и английских кораблей, привозивших заморские товары и модные новинки в Санкт-Петербург. Русский дипломат в Париже в своих письмах канцлеру постоянно жаловался на бесконечные траты на чулки, ткани, обувь и наряды для императрицы, говоря, что находится на грани разорения.

– Лизочек, друг сердечный, так что же все-таки так расстроило тебя? – мягким вкрадчивым голосом поинтересовался Алексей Григорьевич, увидев перемены в поведении государыни. – Поделись со мной, прошу тебя, душа моя.

– Помнишь, в том месяце я приказала арестовать мадам Тардьё? Ну, ту француженку, владевшую модной лавкой? Она тогда посмела, вернувшись из Франции, не показать мне товар, а отложила его для тех мерзавок, что осмелились появиться на последнем балу, одевшись чуть ли не в такой же наряд, что и я. Неслыханная дерзость, граничащая с непочтительным отношением к государыне! И кто? Какая-то статс-дама осмелилась бросить мне вызов!

– Да-да, я помню, – просияв улыбкой, отозвался граф Разумовский, вспомнив, как возлюбленная отхлестала по щекам у всех на виду одну из своих приближенных за то, что та посмела явиться на бал почти в таком же туалете, что и сама Елизавета.

– Так что же стряслось на этот раз?

– Английский торговый корабль уже третьи сутки стоит у причала, но никто мне об этом не доложил! Как это понимать?

– Очевидно, товар настолько плох, что никто не решился его предложить великой императрице.

– Он так плох, что мне не удалось показать даже пандор⁸! Что за вздор! – нахмурилась государыня. – Нет, голубчик, тут дело не в качестве товара, а в явном неуважении Георга II ко мне, хотя канцлер Бестужев всячески стремится убедить меня в обратном. Ты прекрасно знаешь, что советник не впервые подталкивает меня к тому, чтобы заключить с Англией союз против Франции. Но как я могу подписать документы, когда подданные короля наносят мне оскорбления? Слушай меня и не перебивай: вели немедленно прислать мне товар, что был привезен третьего дня. Попутно замечу, что ткани, отобранные мною еще в Царском Селе, так и не были привезены сюда. Почему? Я требую доставить их незамедлительно. И ежели торговцы заявят, что они все распродали, то прикажи им вернуть товар и ждать моего особого распоряжения. А ежели кто посмеет утаить, то горе тому, на ком увижу сей товар.

– Если хочешь, то я сегодня все выясню. Хорошо, душа моя? – целуя пухлую руку возлюбленной, произнес Алексей Григорьевич.

Посмотрев влюбленными глазами на стоящего подле нее мужчину, Елизавета кивнула головой. Внезапно в дальнем углу послышалась возня, и вскоре перед ними предстала огромная крыса, которая деловито прошла по комнате и скрылась в противоположном углу.

– Бесовское отродье! – чело Елизаветы омрачилось. – Ненавижу этих ужасных зверей.

– Они божьи создания...

– ...которых неплохо бы изничтожить, иначе они полностью разрушат дворец! Они и так нанесли непоправимый ущерб. Вряд ли найдется хоть одна целая стена во дворце, – подытожила императрица.

– Но как? Они и мыши живут в домах веками.

– Две недели назад я уже подписала указ о высылке ко двору нескольких котов, дабы освободиться от грызунов в самый короткий срок.

– Котов? – удивился граф Разумовский. – Не думаю, что обычные коты справятся с ТАКИМИ крысами.

– До меня дошли слухи о каких-то необыкновенных котах-убийцах, живущих в Казанской губернии. Там, якобы, с давних времен живут диковинные звери с круглой головой, широкой мордой, крепким лбом и коротким хвостом. Они намного крупнее и нравом отличаются суровым, а что самое главное – те коты отлично охотятся на мышей и крыс.

– Что ж, душа моя, тогда тебе больше не о чем волноваться, – обнимая за плечи государыню, с улыбкой ответил Алексей Григорьевич. – Из чего следует, что тебе надобно прилечь и отдохнуть. Иль ты забыла о завтрашнем приеме?

– Как бы не так, забудешь тут, – поморщилась Елизавета. – На завтра, по просьбе канцлера, я вызвала английского посланника, который, как мне передали, хотел бы обсудить со мной ряд союзнических вопросов.

– То есть ты все-таки готова заключить договор с Англией против Франции? – задал вопрос граф, знавший о вечном соперничестве между этими странами. – Благоразумно ли это? Ты прекрасно знаешь, на какие подлости способен Георг II, не проще ли договориться с Людовиком? Мне говорили, что он не так умен, как о нем говорят. Кто знает, может быть, нам удастся переиграть его? Ежели не на поле боя, то хоть в дипломатической войне.

Елизавета насупилась. Она прекрасно знала о том, как король Франции отзывается о ней, да и не только он. Ведавший внешней политикой канцлер Бестужев-Рюмин дешифровал некоторые донесения, переданные в Версаль. Из них-то она и узнала о коварстве ее «доброжелателей». И все из-за треклятого незаконного происхождения. К слову, французский король признал за Елизаветой Петровной титул императрицы Всероссийской лишь через два года после ее восшествия на престол. И все потому, что новая правительница отказалась быть пешкой

⁸ Пандора – «модная кукла»; кукла, одетая в туалеты, пошитые по последней моде, стали использоваться в Европе в XVII-XVIII вв. для демонстрации моделей одежды в миниатюре.

в шахматной партии, затеянной и умело разыгранной послами Франции и Швеции. О, если бы она была рождена в браке, и если бы ее мать была благородного происхождения, то тогда Елизавета проучила бы европейских гордецов, которых буквально распирает от важности из-за родовитости. А так приходится соблюдать политический этикет и быть любезной с теми, кого она с превеликим удовольствием посадила бы на кол.

– Я не сказала еще ни да ни нет, – сухо отозвалась государыня, прервав молчание, – невзирая на то, что граф Бестужев аргументированно настаивал на подписании договора о дружбе как можно скорее. Англичан якобы очень волнует наше сближение с Австрией, утверждает канцлер. Георг узнал о наших переговорах с Веной и всячески стремится помешать нам заключить этот союз.

– Но ежели ты заключишь договор с королем Англии, то это будет означать, что ты станешь злейшим врагом Людовика XV.

– А ты думаешь, что сейчас он считает меня своим другом? – вспыхнула императрица. – Знаешь ли ты, ЧТО этот ярыга позволил себе в присутствии послов из Дании, Австрии и Швеции? Мне следовало бы объявить ему войну за подобную дерзость!

– Боже упаси, душа моя, от подобного шага! Наша казна не так полна, чтобы начинать новые войны. Мы только-только оправились от войны со шведами, да и турки постоянно беспокоят...

– ...по наущению Франции, к слову сказать, – перебила его государыня.

– Так чем же король Луи огорчил тебя?

– Ты же знаешь, что мой любимый отец одно время мечтал выдать меня замуж за законенелого грешника, коим является король Франции. Господь наш милостив и оградил меня от этого брака, который принес бы мне лишь горе. Но отказавшись от «дочери прачки», как он не раз, по слухам, отзывался обо мне, Людовик XV и сейчас не упускает случая нанести мне оскорбление. Как написал мне российский посол из Дании, совсем недавно король вновь выставил меня на посмешище. Желая посмеяться над одной из фрейлин королевы, король сказал: «Как вы смешно сегодня одеты, словно русская царица!»

– Мерзавец! – сквозь зубы проговорил Алексей Григорьевич. – Только низкий человек может позволить себе шутки о тех, кого нет рядом, и кто не может ответить на оскорбление.

– Он еще ответит, – мрачно заметила Елизавета. – Я обещаю тебе!

Вернувшись в сопровождении возлюбленного в опочивальню, императрица наконец легла в кровать. «Черный ворон, черный ворон, – засыпая, подумала она. – К чему же ты все время снишься мне, о чем хочешь предупредить?»

Глава 6. Игра начинается

Париж, весна 1750 года

Волнения в Париже не прекращались. Жители города были недовольны действиями полицейских, устроивших облавы по приказу короля. Правда, злые языки утверждали, что сделало это было по совету новой фаворитки короля, маркизы де Помпадур. С недавних пор возлюбленная Луи, без которой он не мыслил своего существования, вмешивалась не только в дела Версаля, но и государства, пропуская мимо ушей «добрые советы» своих ставленников.

Негласная правительница Франции на протяжении следующих двадцати лет, Жанна-Антуанетта д'Этиоль, впервые появилась во дворце зимой 1745 года, на костюмированном балу, устроенном Людовиком XV. Была ли эта встреча подстроена министрами или нет, неизвестно, но увидев очаровательную девушку в костюме Дианы, с загадочной улыбкой и дерзкими глазами, король не устоял. С этого времени Луи уже не расставался с возлюбленной ни на минуту, ибо она как никто другой понимала его, разделяя все увлечения и убеждения.

На какое-то время супружеской чете д'Этиоль удалось даже заслужить благосклонность королевы и всего двора. Но после того, как Шарль Гийом д'Этиоль скоропалительно уехал в свое имение, получив отступные от короля, по Версалю поползли слухи, которые вскоре подтвердились. В конце августа Людовик XV подарил возлюбленной усадьбу вместе с титулом маркизы де Помпадур. А еще через месяц она была признана при дворе в качестве официальной фаворитки.

Вначале придворные, да и все жители государства не придали особого значения появлению маркизы, решив, что, утолив вожделие любвеобильного монарха, Жанна-Антуанетта д'Этиоль исчезнет так же быстро, как и многие до нее. О горьком опыте своих предшественниц знала и сама маркиза. Именно поэтому метресса и выбрала манеру поведения, которая впоследствии вызывала глубокое возмущение в народе, но которая так понравилась королю, любившему веселье, праздники и различные забавы.

Помпадур не жалела денег на развлечения короля, прекрасно понимая, что Людовик будет принадлежать исключительно ей, пока ему интересно и нескудно. Имея неограниченный бюджет, фаворитка тратила баснословные суммы на потакание прихотям короля: маркиза разбивала новые прекрасные сады; покупала фарфоровые цветы и сервизы, так полюбившиеся Луи; приобретала загородные дома и замки, переделывая их по своему вкусу; скупала произведения искусства и даже основала в Версале свой театр, в котором часто играла не только она, но и ее возлюбленный.

В обществе же зрело напряжение: позорный договор в Ахене⁹, непомерные налоги, недостаток хлеба, вызвавший подорожание продовольствия, а вслед за этим и голод, всколыхнули народ. Толпы оборванцев двинулись в Париж, заполняя дороги Франции.

Но местные жители, сами находившиеся в бедственном положении, были недовольны полным беззаконием со стороны вновь прибывших. Народное возмущение переросло в столкновения, что вынудило местные власти принять меры. К несчастью, глава столичной полиции, мсье Беррье, ставленник мадам Помпадур, слишком рьяно взялся за дело и своими действиями вызвал еще большие волнения, грозящие из точечных возмущений перерасти в серьезные беспорядки.

– Ваша Светлость, я повторяю: вы совершаете большую ошибку, – проговорил сидящий напротив изящной миловидной дамы мужчина средних лет, одетый в сутану. – В городе неспо-

⁹ Второй Ахенский мир – мирный договор 1748 года между Францией и Великобританией с Нидерландами, окончивший войну за австрийское наследство.

койно, и вам лучше не появляться в Париже без надобности. Вы сами знаете, как парижане относятся к вам.

– Господин аббат, – мягким, но решительным голосом отозвалась женщина, – а я в очередной раз говорю, что мне необходимо побывать сегодня у господина Вольтера. Ему нездоровится... Я хочу навестить его, тем более что он обещал дать мне почитать наброски новой пьесы, которую он пишет для нашего театра... Ну полно, мсье Берни. Не смотрите на меня как на преступницу.

– Не проще было бы вызвать ему врача, раз вы так беспокоитесь о здоровье вольнодумца? – недовольным голосом заявил ее собеседник, нахмурившись. – Вы поглядите, что творится на улицах!

Немного отодвинув бархатную шторку кареты, в которой они ехали, аббат указал на вооруженных палками, вилами и другими подручными средствами людей.

– Нет, это безумие! Чистое безумие! Что скажет Его Величество? – откинувшись, пробормотал мужчина. – А что, если они узнают вас? Вы представляете, какие будут последствия? Да толпа растерзает вас... ну и меня вместе с вами.

Не успел он закончить фразу, как дверь распахнулась, и в карету запрыгнула очаровательная девушка. Захлопнув за собой дверцу, она забилась в угол и, надвинув на лицо касторовую шляпку¹⁰, замерла. Оцепенев от неожиданности, пассажиры кареты какое-то время ошеломленно смотрели на незваную гостью, не решаясь нарушить затянувшееся молчание.

– Простите, мадемуазель, – наконец-то молвил аббат, придя в себя от изумления. – Позвольте спросить, кто вы? И как вам хватило смелости... хотя я бы сказал иначе... дерзости запрыгивать в чужую карету? Вопиющая нескромность! Что за манеры? При каком монастыре обучают подобным вольностям?

– Господин Берни, постойте, – перебила его спутница, – посмотрите, бедняжка явно чем-то или кем-то напугана. Уверена, что только угроза жизни заставила юную особу искать надежного убежища в моей карете. Я же права, милая?

Незнакомка приподняла шляпу и кинула изучающий взгляд в сторону говорившей.

– Да, мадам, это вы верно подметили – «надежное убежище», – после непродолжительных колебаний дерзко отозвалась странная девушка. – Вам не откажешь в уме. Вы – тонкий наблюдатель. От вас сложно утаить что-либо.

– Не мадам, а Ваша Светлость, – перебил ее Берни. – На вашем месте я, мадемуазель, проявил бы бóльшее уважение и почтение к спасительнице. И если госпожа маркиза в самом деле права, и все произошло именно так, то она спасла вам жизнь. Поблагодарите ее!

– Госпожа маркиза? – приподняла бровь девушка, уставившись на сидевшую напротив даму. – Вот это мне повезло. Получается, что полицейские не посмеют осматривать вашу карету. Что ж, фортуна повернулась ко мне лицом.

– Вы совершили какое-то преступление? Поэтому-то вы и бежали? Я так и знал! В наши дни на улицах Парижа можно ожидать все что угодно, – нахмурился аббат. – А раз вы совершили преступление, то тогда я просто обязан передать вас в руки правосудия! И немедленно... Эй, господин Рене!

Господин Берни выглянул из окна и подал знак ехавшему рядом всаднику.

– Господин Рене! Прикажите остановиться! И как можно скорее!

Карета начала сбавлять ход, а вскоре и вовсе замерла на месте.

– Чего вы так раскричались? – озираясь по сторонам в поисках пути к отступлению, пробормотала незнакомка. – Неужели я похожа на воровку?

– А это мы выясним в Бастилии, куда я лично отвезу вас, – сухо произнес аббат.

¹⁰ Шляпка, сделанная из кастора, шерстяного сукна.

– В Бастилию? Но за что? Я не совершила ничего, что могло бы опорочить мое доброе имя.

– А там уж мы во всем и разберемся. Уверен, что губернатор Пьер Байсль быстро развяжет вам язык, и мы узнаем, что вы скрываете от нас.

– Что ж, тогда я не буду ждать, когда полицейские арестуют меня и отвезут под конвоем в крепость, о которой я слышала много ужасных вещей. Прощайте, господин аббат... и вы, Ваша Светлость!.. Попутно замечу, что у вас прелестная шляпка. Впрочем, как и вы сами!

Сказав это, незнакомка открыла дверь и попыталась скрыться, но в ту же секунду аббат схватил ее за руку. Взявшийся неизвестно откуда кинжал сверкнул в воздухе.

– Святой отец, не заставляйте меня взять грех на душу, прошу вас! Лучше отпустите!

– Честное слово, господин Берни, отпустите ее, – мягким голосом обратилась к аббату его спутница, во время разговора молча наблюдавшая за странной гостьей. – Мне кажется, что она не совершила ничего противозаконного. Вы же сами говорили, что улицы Парижа сейчас не безопасны. Разве не так?

– Но... вы выгораживаете мошенницу? – уставившись на маркизу, ахнул аббат. – Слышанное ли дело!

– Прошу вас! – слегка коснувшись руки Франсуа де Берни, попросила маркиза. – Проявите милосердие к несчастному созданию. Мы же не знаем точно, кто перед нами – воровка или убийца.

– Поэтому-то я и хочу выяснить это.

– Да, но мсье Беррье буквально вчера жаловался мне, что тюрьма переполнена оборванцами и убогими, съехавшими со всего королевства.

– И не только ими, – вполголоса пробормотала девушка. – Полицейские, которым пообещали выплачивать награду за каждого задержанного, хватают всех подряд.

– Но, Ваша Светлость!..

– Я приказываю вам отпустить молодую особу! – слегка повысив голос, строго заявила маркиза. – Или вы хотите, чтобы сегодня же Его Величество узнал о том, что это была ваша идея: отправлять всякий сброд в колонии? Туда, где насчитывается слишком мало жителей, по сравнению с быстро растущим населением заморских территорий его врагов, англичан, не так ли? Хотите, чтобы он узнал, что благодаря вам в Париже начались волнения из-за похищений, а по-другому и не скажешь, невинных детей из приличных семей?

– Но, госпожа... вы же поддержали мою идею, – попытался оправдаться аббат.

– Это была ВАША идея, – смерив глазами сидящего напротив мужчину, заявила его спутница.

Франсуа де Берни был сбит с толку словами маркизы и не знал, что предпринять. Воспользовавшись замешательством святого отца, незнакомка вырвалась из его рук и выскочила из кареты.

– Дитя мое, – окликнула ее женщина. – Вот, возьмите этот платок. Если когда-то попадете в беду, то дайте мне знать. Обещаю сделать все, что будет в моих силах. Я не прощаюсь!.. Мсье Рене, трогайте!

Карета медленно покатила по мостовой, местами утопая в глубоких лужах.

– Почему вы отпустили ее? – спросил спутницу аббат. – Она же явно что-то скрывала.

– Да, вы совершенно правы, скрывала, – посмеиваясь, подтвердила маркиза. – И очень многое.

– Что, например? У вас есть какие-то предположения?

– Естественно, святой отец. Я разгадала ее тайну практически сразу.

– Я не понимаю вас. Прошу вас, Ваша Светлость, поделитесь со мной вашими соображениями. Поверьте, я теряюсь в догадках!

– Хорошо, я не буду долго мучить вас неведением, – тихо рассмеялась его спутница. – Я отпустила ее потому, что... мне понравился ее маскарад!

– Что???

– Да-да, а вы не заметили?

– А что я должен был заметить, по-вашему? – омрачился аббат, который никак не мог уловить, к чему клонит *la maîtresse*.

– А то, что наша незваная гостья – мужчина!

– Как??? Что??? Но как такое... Мужчина, вы сказали? Но... но это невозможно! Какое бесстыдство! – опешил Франсуа де Берни, изменившись в лице. – Вы, по всей видимости, шутите, Ваша Светлость? Полноте, перестаньте меня разыгрывать.

– Нисколько, господин аббат, – ласково посмотрев на аббата, ответила маркиза. – Не забывайте, что я женщина. Лишь я могу уловить нюансы, о которых мужчина, а уж тем более духовное лицо, не может знать.

– Боже! Я поражен! Но зачем? Для чего понадобилось это переодевание?

– Боюсь, что мы никогда не узнаем об этом... а может...

Женщина на минуту замолчала, задумчиво глядя в окно.

– Я не сомневаюсь, что мы еще встретимся. И очень скоро, поверьте моему предчувствию.

– Что ж... не буду спорить. Во всяком случае, уж тогда-то я точно не отпущу его... или ее, – пробормотал Берни, накупившись.

Он покосился на сидящую напротив женщину, на лице которой играла легкая улыбка. С недавних пор его протеже, ибо именно так он называл новоиспеченную маркизу, все меньше и меньше слушалась его советов, предпочитая делать то, что ей заблагорассудится. А часто и вовсе принимала решения, шедшие вразрез с желаниями министра. Как, например, сейчас. Тем не менее спорить с официальной фавориткой короля, полностью попавшего под власть маркизы, ни аббат, ни кто-либо другой не смели.

Стоя посреди улицы, молоденькая девушка внимательно глядела на удаляющуюся карету.

– Хм... интересно, а кем была та незнакомка? И почему старый осел не осмелился ей перечить? И на кой черт мне сдался ее платок? И к тому же эта госпожа со мной разговаривала так, точно проникла в мою тайну. А вдруг... Забавно, очень забавно!

Девушка развернула платок и принялась разглядывать его.

– А тут есть монограмма... две буквы «J» и «P»... «J» и «P». Что ж, есть над чем подумать... Маркиза JP. Таинственная маркиза, которую слушаются духовные лица... кто же вы такая?... Кто? – И тут озадаченной девушке пришла в голову внезапная мысль. – Черт меня подери! Неужели?

Молодая особа недоуменно поглядела вслед удалявшейся карете, увозившей очаровательную незнакомку.

– Стало быть, вот кого слушаются совершенно все в этом королевстве, в том числе и сам король, и кого ненавидит народ! Так, значит, вот вы какая... самая загадочная женщина Франции... Жанна-Антуанетта Пуассон, маркиза де Помпадур!

Глава 7. Джокер

Версаль, зима 1754 года

Король любил праздники. И любил их не только потому, что они забавляли и развлекали вечно скучающего монарха, а еще и потому, что очень хорошо помнил слова своего деда, Людовика XIV: «Французский принц или король должен осознавать большой смысл публичных увеселений: ведь он устраивает их не столько для себя, сколько для своего двора и своего народа. Общее веселье создает у придворных ощущение лестной близости к монарху, что чрезвычайно волнует и радует их. Простой народ любит зрелища – в сущности, их цель в том и состоит, чтоб ему нравиться... Этим средством мы завладеваем его умом и сердцем гораздо успешней, чем наградами и благодеяниями».

Его наставник, кардинал Флери, не желавший, чтобы малолетний Луи вмешивался в дела государства и мешал править ему, также внушал воспитаннику, что великолепные празднования необходимы для демонстрации величия монарха народу и свите, окружающей короля.

Появившаяся в Версале несколько лет назад маркиза де Помпадур всячески потворствовала страсти Людовика к развлечениям, всякий раз подчеркивая, что на иностранных послов производят неизгладимое впечатление великолепие, мощь и богатство, с какими проходят Версальские праздники. «Они говорят, что раз король может позволить себе огромные расходы на увеселения, – шептала она возлюбленному на ушко по ночам, – то, видно, королевство процветает, и его стоит бояться».

Но король любил праздники еще и потому, что они позволяли ему реализовать его художественные пристрастия. Людовик не любил заниматься государственными делами, считая их скучными и неинтересными, но увлеченно разрабатывал вместе с возлюбленной план задуманного торжества, а порой принимал и непосредственное участие, танцуя или играя в спектаклях. А с каким удовольствием он водил своих зачарованных гостей по прекрасным паркам, созданным его не менее прекрасной возлюбленной.

И вот сейчас, в канун Рождества, la maîtresse вновь придумала новое увеселение, желая в очередной раз поразить не только короля и придворных, но и многочисленных гостей.

Дворец и парк Версаля засияли ночью множеством огней. В большой галерее дворца зажгли тысячи свечей, которые отражались в зеркалах, покрывавших стены, в бриллиантах изящных кавалеров и блиставших красотой и величием дам.

Виртуозные исполнители улаждали слух искушенных зрителей, а балет с участием знаков зодиаков и четырех Времен года стал главным украшением ужина, после которого всех ждал еще большой сюрприз: грандиозный фейерверк. Изюминкой действия стали последние несколько залпов, которые выписали в небе инициалы короля – L B.

– Какого черта ты притащила меня сюда, да еще в этом платье? – проворчала очаровательная девушка, одетая в костюм, олицетворяющий Весну.

Она нервно поправила на себе платье и продолжила:

– Одно дело скрываться в таком наряде от назойливых кредиторов, и совсем иное – являться без спроса на бал во дворец. Катрин, клянусь, если нас схватят, то я задам тебе трепку. Ты же знаешь, что нельзя появляться при дворе, не будучи представленными королю. К тому же обязательно нужно иметь поручителя, который осуществляет представление и несет за подопечного ответственность. Ты знаешь, что бывает с теми, кто нарушает этикет?

– Не ворчи, – рассмеялась ее спутница, одетая в костюм Осени. – Версаль – это проходной двор. Мне рассказывал один знакомый, что, заблудившись, он натолкнулся в одной из комнат на самого короля! Кстати, можно было попросить приглашение у принца Конти, с которым ты переписываешься. Между прочим, он-то как раз и смог бы стать нашим поручителем. Его Высочество так лестно отзывается о твоих литературных работах. Да и многие другие.

– Это легче сказать, чем сделать. Как у тебя все просто! «Попроси», – передразнила ее спутница. – Он отзывается о литературных работах не... Боже, в кого ты меня вырядила? Посмотри, мне уже начали строить глазки... Этого еще не хватало!

– Ну хорошо, хорошо. Перестань жаловаться! Хотя не понимаю, что тебя не устраивает? Тут можно легко затеряться среди гостей, неплохо поесть и хорошо выпить. И бесплатно! К тому же сегодня бал-маскарад. Посмотри вокруг! Мы ничем не выделяемся среди гостей, разве лишь тем, что ты взаправду очаровательна!

Молодая девушка смерила восхищенным взглядом подругу и рассмеялась. Ее спутница, чего греха таить, выглядела божественно: белокурые волосы обрамляли нежное личико с большими светло-голубыми глазами и легким пушком, пробивающимся над губой, ничем не портившим прелестное создание. Затянутая в корсет, который был в пору самой тоненькой девушке, юная особа производила впечатление грациозной лани.

Ее спутница, положив на тарелку фрукты под сыром, посмотрела на вазочку с кремом из саго с вишневым мараскином¹¹.

– Вот говорила Мари: не затягивай слишком корсет. Тут столько всего вкусного, но ничего не лезет в рот. Посмотри, какие аппетитные вафли, а фрукты? Боже, персики, дыни и даже клубника! И это зимой! Интересно, сколько денег король потратил на угощение? Судя по всему, немерено.

– Перестань считать чужие деньги, – улыбнулась девушка-весна. – Тебе-то не все равно? Давай, съешь уже свои фрукты, и пойдем отсюда.

– Куда? Мы же еще ничего не видели, – запротестовала Катрин. – Лили, смотри, сейчас начнутся танцы. О! Один только Бог знает, КАК я люблю танцевать. Музыка всегда завораживает меня, унося в небеса.

Сказав это, девушка в костюме Осени поставила тарелку на буфет и сделала несколько па. А тем временем королевские музыканты с люгнями, гобоями, кларнетами и флейтами заняли места на подмостках и, уловив едва заметный знак от церемониймейстера, заиграли Куранту.

– Мадемуазели, окажите нам честь, приняв наше приглашение на следующий танец, – услышали молодые девушки у себя за спиной.

Повернувшись, они увидели двух нарядных кавалеров, костюмы которых олицетворяли Лето и Зиму.

– Мы думаем, что наши наряды очень подойдут друг другу на сегодняшнем балу, затмив многие пары, – сказал один из молодых людей, отвесив изящный поклон дамам. – Вы же, наверно, слышали, что сегодня Его Величество выберет лучшую пару, назвав их королем и королевой рождественского бала. А мы вместе составляем Времена года, не так ли?

– Более того, победителям вручаются подарки: брильянтовая тиара даме, а кавалеру – шпага, – перебил его второй. – Что скажете? По-моему, у нас неплохие шансы. Вы так изящны и привлекательны, да и мы недурны.

– Господа, мы вынуждены отказать вам из-за неучтивости, проявленной вами, – фыркнула Катрин, покосившись на Лили. – Вам следовало для начала представиться, как того требует этикет.

– О, мы приносим свои извинения. Просто вы столь очаровательны, что мы пришли в растерянность, объясняющую подобную неучтивость... Простите еще раз... Разрешите представиться – шевалье де Мод и барон Буленвиль.

– Мы прощаем вас, не так ли, Лили? – смерив кокетливым взглядом кавалеров, проговорила Катрин.

– А вы, милые дамы, с кем имеем честь разговаривать? Вы, по всей вероятности, впервые при дворе?

¹¹ Бесцветный сухой фруктовый ликер.

– О да, вы совершенно правы... нас пригласил на бал Его Высочество, принц Конти, – с уверенностью в голосе заявила Лили. – Разве вас не было в зале в то время, когда нас представляли королю? Очень странно! Не так ли, моя дорогая?

Молодые люди переглянулись. Луи Франсуа де Конти, французский принц крови, был весьма влия-тельным человеком при дворе, несмотря на то что после заключения Аахенского мира впал в немилость к королю. Тем не менее именно он возглавлял тайную службу короля, прозванную «Королевским секретом», и именно ему было поручено вести тайные переговоры в России, за спиной министров Его Величества.

– Очевидно, мы выполняли поручения Его Величества, мадемуазели... Не так ли, Анри?

– Да-да, – поспешно ответил его товарищ. – Дамы, куранта закончена... Сейчас начнется менуэт. Просим вас! Пожалуйста!

Сделав грациозный реверанс, Катрин и Лили проследовали в танцевальный зал со своими кавалерами.

Присоединившись к парам, которые выстроились в виде цифры восемь, молодые люди замерли в ожидании музыки.

Старинный народный танец, с середины XVII века ставший бальным, считался королём танцев. Изыщные дамы и галантные кавалеры грациозно исполняли поклоны и реверансы под торжественные, чарующие звуки музыки. Завораживающее зрелище позволяло по достоинству оценить изысканную плас-тику танцоров.

– Кто эта юная особа, танцующая с бароном Буленвилем? – спросил Людовик своего советника Нуаля, сидевшего рядом. – Очень мила, я бы даже сказал, чрезвычайно мила. Какая утонченность, какая пластика, какая горделивая посадка головы и лебединая шея, которую так и хочется покрыть страстными поцелуями.

– Тише, Ваше Величество, как бы *la maîtresse* не услышала наш разговор, – вполголоса произнес его собеседник, покосившись на сидящую неподалеку женщину. – Вы же знаете, как болезненно она относится к вашим увлечениям.

– Маркиза прекрасно знает, что мы любим ее, а что до новых нимф, так это лишь наше любование прекрасным, ну и не только... мы хотим познакомиться с ней поближе. Пригласите ее в мой кабинет. Мы желаем побеседовать с прелестницей. А маркизе скажете, что я отправился к королеве. Да, и прикажите господину Марвию явиться к нам.

– Но, сир... – попытался протестовать советник.

Но почувствовав на себе гневный взгляд короля, мужчина повиновался. Поклонившись с величайшим почтением, Нуаль поспешил исполнить распоряжение Его Величества.

– Прошу прощения, мадемуазель, – шепнул он на ушко девушке в костюме Весны. – Одна знатная особа мечтает познакомиться с вами поближе. Прошу вас, пройдемте со мной.

– Но мы еще не закончили танцевать! – возмутился барон Буленвиль, но тут же осекся, ощутив на себе тяжелый взгляд Людовика, наблюдавшего за ними.

Поклонившись своей даме, мужчина спешно смешался с толпой.

– Прошу вас, мадемуазель, следуйте за мной! – сделав приглашающий жест рукой, произнес советник.

Поискав среди танцевальных пар свою подругу, но не найдя ее, Лили вздохнула. «Вот так всегда: когда Катрин нужна, ее никогда не бывает рядом, – подумала девушка, которой что-то подсказывало, что она вновь оказалась в неподходящее время в нехорошем месте. – Интересно, что на этот раз? Эх, жалко, что со мной нет моей шпаги... Дурацкое платье! Какая же все-таки была бредовая идея идти на этот бал-маскарад! Никогда не прощу Кэт за то, что втянула меня в эту авантюру. А все тот мясник... Как же не вовремя он пришел за долгом».

– Заходите, мадемуазель, – введя девушку в роскошно обставленный кабинет, любезно сказал советник. – Сейчас к вам придут. Располагайтесь! И главное – ничего не пугайтесь. Здесь вам не причинят вреда!

Закрыв за собой дверь, Нуаль удалился, отправившись на поиски камердинера короля. А тем временем девушка, оставшись в одиночестве, оглядывалась по сторонам, удивляясь великолепию обстановки: обилию различных украшений и безделушек, изысканности мебели, сделанной из ореха, розового или сахарданового дерева. Окна и двери закрывали тяжелые драпировки. «Да уж, что сказать? – мелькнуло в голове у Лили. – Народ бедствует, а тут...»

Не успела девушка закончить свою мысль, как дверь распахнулась, и на пороге показался Людовик XV.

– В-Ваше Величество, – опешила Лили, поспешно приседая в глубоком реверансе. – Я... я...

– Встаньте, дитя, – ласково произнес король, подходя поближе к гостье. – Как вас зовут?.. Прошу вас, встаньте уже, наконец. Мы желаем поближе познакомиться с вами. Вы столь прелестны и восхитительны, что нам непременно захотелось узнать вас получше! А как божеественно вы танцевали. Определенно, вы – королева нашего сада! Прошу вас, не конфузьтесь, мы не желали напугать вас. Отнюдь!

Встав, Лили смущенно принялась теревить оборку платья. «Еще не хватало, чтобы он начал приставать ко мне, – промелькнуло в голове девушки, хорошо осведомленной о любви страсти Его Величества. – Господи, не дай совершиться безумию! Образумь короля!»

– Итак, милая чаровница, как же вас зовут? – Луи взял девушку за подбородок и заглянул ей в глаза. – Ну же, отвечайте!

– Лия... Лия де Бомон, – молвила та, залившись румянцем.

– Лия, – мечтательно протянул король, нежно коснувшись ее лица. – Какое прелестное имя!.. Ваша кожа – подобие бархата, свежее персика милое личико. А нежные губы... О, они совершенство!

Людовик наклонился, чтобы поцеловать ее, но Лили увернулась и, отбежав на несколько шагов, остановилась.

– Ваше Величество, прошу вас, – начала было она, – я... я... не могу вот так. Господь накажет нас. Это грех!

– О, мы понимаем... Вы девушка строгих правил. Поверьте, в Версале едва ли найдется хотя бы парочка таких скромниц, как вы. Ибо все почитают за честь попасть в наши покои. Милое дитя, скромность не в моде в наше время. Скромностью нельзя ничего добиться: ни положения, ни богатства. И глупо упускать такую возможность...

Луи сделал шаг к девушке, но тут же остановился, ибо Лили упала на колени и, сложив руки в молитве, быстро заговорила:

– ...они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью. Но вы не так познали Христа, потому что вы слышали о Нем и в Нем научились...

Людовик с любопытством разглядывал девушку, неприступность которой пуще прежнего разожгла в нем огонь. Не желая дольше сдерживать плотское вожделение, король набросился на Лию и, повалив гостью на ковер, принялся покрывать ее шею, лицо жаркими поцелуями.

– В-Ваше Величество, Ваше Величество... не надо... не смейте, не трогайте меня! Пустите, я буду кричать! – девушка прилагала все усилия для того, чтобы вырваться из королевских объятий.

И в ту же секунду раздался крик боли, перешедший в вопль ярости. Оттолкнув от себя девицу, Людовик вскочил и, выхватив платок из рукава, приложил его к губе.

– Мерзавка... да ты... да ты сгниешь в Бастилии. Еще никто не осмеливался посягнуть на жизнь короля Франции... Стража!

В комнату ворвались гвардейцы, дежурившие за дверью.

– Взять ее! – приказал король, вытирая кровь с губы. – Мы больше не желаем ее видеть. Она покушалась на нашу жизнь. Это заговор против короля, нас хотят убить! В Бастилию! И

пусть выяснят, кто причастен к подготовке к дворцовому перевороту. Уведите! Прочь с наших глаз!

– Ваше Величество, Ваше Величество! – взмолилась девушка, которую уже подхватили под руки гвардейцы. – Я не убийца, я лишь защищала свою честь... простите меня! Сжальтесь! Умоляю вас! Пощадите! У меня и в мыслях не было причинить вам вред! Простите меня! Ради нашего Спасителя... Будьте же милосердны!

Перспектива оказаться в Бастилии произвела на Лию сильное впечатление; она разом осознала, что обратного пути уже не будет. Именно поэтому она принялась брыкаться, кусаться, извиваться как змея, подняв при этом невообразимый шум, которым старалась привлечь внимание людей, танцующих в соседнем зале. И ей это удалось, ибо через мгновение дверь распахнулась и на пороге показалась маркиза де Помпадур.

– Что тут происходит? – строго спросила она, окинув изучающим взглядом комнату. – Кто эта девица и почему она кричит так, что ее слышно даже в зале?

– Мы раскрыли заговор против короля, поймав убийцу, – патетически заявил Людовик, стараясь тем самым скрыть смущение. – Она напала на нас! Она попыталась убить нас!

– Ваше Сиятельство, – простонала арестованная, с мольбой уставившись на маркизу, – это ложь! Я спасала лишь свою честь! Только в этом повинна, клянусь Богом!

Брови маркизы сошлись на переносице. Она осуждающе посмотрела на короля. Без сомнения, Жанна-Антуанетта знала о неверности Людовика, несмотря на то что он сходил по ней с ума. Голубоглазый, с открытым лбом, красивым, притягательным лицом и чувственными губами, Луи нравился женщинам. А они нравились ему. Такова была его природа, и никто, даже маркиза де Помпадур не могла ее изменить. Она прощала ему многочисленные интрижки, ибо знала, что сердце короля принадлежит исключительно ей.

– Что ж... – после продолжительного молчания, во время которого никто не осмелился промолвить ни звука, продолжила la maîtresse, обратившись к гвардейцам. – Раз Его Величество принял такое решение, то извольте исполнять его. В Бастилию! Там о ней позаботится губернатор крепости.

– Мадам... госпожа маркиза... Ваше Светлость!.. Да отпустите меня! – вновь во весь голос закричала Лили. – Защитите!.. Несколько месяцев назад вы обещали мне покровительство! Помните, молю и заклинаю вас!.. Вы ехали в карете... со святым отцом... Вы еще дали платок. Он у меня в рукаве! Посмотрите сами!.. Пожалуйста, вспомните! Умоляю!

Услышав слова странной девушки, Помпадур замерла на месте. Некоторое время она не могла понять, о чем идет речь, но внезапно события той необычной встречи всплыли у нее в памяти.

Она подошла к молодой особе и, внимательно посмотрев на нее, вдруг произнесла:

– Отпустите ее!.. Слышите? Я приказываю! Немедленно оставьте девушку в покое.

Гвардейцы вопросительно посмотрели на короля, ибо не знали, что им предпринять.

– Маркиза приказала отпустить, – буркнул Луи, помрачнев, – исполняйте!

Людовик был недоволен решением фаворитки, но не посмел открыто заявить ей об этом. С недавних пор решительная возлюбленная стала для него не просто усладой его ночей и близким другом, но и поверенным лицом, а точнее, советником во всех делах. Жанна-Антуанетта определяла направление внутренней и внешней политики, свергая и назначая министров по собственному желанию.

Освободившись от стальной хватки солдат, Лили ловким движением вынула из рукава белый платок и протянула его маркизе. Та развернула его и... засмеялась, игриво посмотрев на девушку.

– Ваше Величество, – обратилась маркиза к королю, – ручаюсь, что перед вами стоит невинное дитя. Она не могла участвовать в заговоре против вас. Сжальтесь над ней и отпу-

стите. Я совершенно уверена, что она не собиралась причинить вам вред. По крайней мере, осознанно.

– Но она укусила нас! – возмутился король. – Она причинила нам вред!

– Поверьте, молодая особа всего лишь защищала свою честь, ибо она... не могла стать вашей любовницей.

– Это еще почему? – запальчиво воскликнул король и тут же осекся, поймав на себе красноречивый взгляд маркизы.

– Потому что... она – мужчина! – лукаво заявила Жанна-Антуанетта и расхохоталась.

– Что???

С минуту Людовик и гвардейцы ошеломленно смотрели на Лию, как громом пораженные, не зная, что и думать. Наконец Его Величество пришел в себя и повторил вопрос:

– Что? Что вы сказали? Я не ослышался?

– Это так, Ваше Величество, – подтвердила слова своей покровительницы «девушка». – Меня зовут Шарль д'Эон де Бомон. Так уж получилось, что мне частенько приходится переодеваться в женское платье, ибо кредиторы порой изрядно надоедают мне, из-за чего и приходится разыгрывать настоящий спектакль. Моя должность и трактаты не приносят много денег, а карточные долги... их надо оплачивать. Женское платье – прекрасное прикрытие, вы же понимаете?

– Но в Версале нет ваших кредиторов, – насупился Людовик, уязвленный обманом подданного.

– Да, я знаю. Но это проделки моей подруги, Катрин де Рошфор. Она мастерица на различные розыгрыши.

– Как это мило, – лицо маркизы озарилось улыбкой, – вы не находите, Ваше Величество?

– Нисколько не мило, маркиза. Мы оскорблены! И требуем наказания за унижение!

– Ну сжальтесь, вы же такой великодушный, сир! Сегодня такой чудесный праздник... К тому же я обещала этому юноше мое покровительство. Прошу вас, помилуйте и отпустите невинного. Неужели вы откажете мне в маленькой просьбе? – Женщина подошла к королю и, дотронувшись до его руки, ласково добавила: – Зато теперь я точно знаю, КОГО мы отправим в Россию вместе с шевалье Маккензи-Дугласом. Поверьте, благодаря этому человеку нам удастся одурочить не только канцлера Бестужева, но и шпионов Георга, вашего извечного врага. Господин д'Эон – наш джокер!

Глава 8. Тайные шпионы

Версаль, весна 1755 года

Охлаждение, по ряду причин, отношений между Россией и Францией к середине пятидесятих годов восемнадцатого столетия дошло до такой степени, что послы были отозваны. Между тем внешнеполитическая обстановка того времени и расстановка сил все настойчивее подталкивали Францию к союзу с Россией, заставляя искать пути примирения, порой в обход официальной дипломатии.

Желание возобновить отношения между странами, особенно после того, как тайный агент, шевалье Вилькруассан, был схвачен и посажен в Шлиссельбургскую крепость, заставило короля прибегнуть к весьма необычному способу налаживания переговорного процесса. Об отправке некоторых шпионов за границу знал только избранный круг, поскольку зачастую мнение министров не совпадало с личным мнением Людовика XV. Именно по этой причине и была организована тайная разведка, возглавляемая принцем Конти.

– А вы уверены, что императрица готова к сближению наших государств? – задал вопрос король, нервно теребя платок. – Нам бы не хотелось стать посмешищем в глазах других правителей Европы.

– Наши друзья в России, а особенно господин Шувалов, страстный поклонник Франции, утверждают, что Елизавета забыла о нанесенных оскорблениях и не прочь возобновить дружеские отношения с Вашим Величеством, – заверил его принц Конти.

– А этот господин имеет хоть какое-то влияние на императрицу? Насколько мне известно, в России канцлер Бестужев единолично задает тон внешней политики.

– После некоторых промахов и ошибок, а вы знаете, что советник является ярым сторонником союза с Англией, – заметила маркиза, – граф почти потерял власть над Елизаветой. Мне говорили, что она все чаще и чаще обращает взор в сторону одного из самых могущественных правителей Европы.

– Это правда! – подтвердил Людовик, от гордости выпятив грудь колесом.

Он самодовольно улыбнулся. Помпадур знала слабые стороны государя и умело использовала его недостатки в своих интересах. Принц Конти одарил фаворитку злобным взглядом. «Она знает, КАК угодить напыщенному индюку, моему кузену, – подумал он, сдвинув брови. – Воистину, эта женщина – дьявольское отродье!»

Посмотрев на возлюбленного, маркиза не удержалась от улыбки. «Он ведь, в сущности, словно дитя. С виду могучий и сильный, а в душе маленький мальчик, который никак не наигрывается. Когда Луи изменяет мне, я даже не могу сердиться. Новая игрушка, она всегда новая».

– Все же меня терзают смутные сомнения относительно кандидата на должность тайного агента, господина Дугласа-Маккензи. Вы уверены в нем, отправляя в качестве вашего эmissара в Россию? – вопросительно взглянув на маркизу, осведомился принц Конти.

– Вы бы лучше поинтересовались личностью господина, или госпожи, д’Эона, – насутился король, который никак не мог забыть о конфузе. – Мы не доверяем ему! Да и как можно доверять человеку, когда не понятно: мужчина перед тобой или женщина?

– Ваше Величество, я убежден, что более подходящего человека трудно было бы сыскать. Я познакомился с ним задолго до бала, на котором...

La maîtresse сделала предостерегающий знак принцу.

– ...на котором секретарь господина Дугласа был представлен вам, сир, – закончил свою мысль принц. – Он умен, имеет степень доктора гражданского и канонического права, красноречив, прекрасный публицист, его работы высоко оценили многие известные писатели, а также весьма обаятелен, хотя, соглашусь, горяч не в меру. На его счету немало дуэлей. Шарль – один из лучших фехтовальщиков Парижа, а может, и Франции. Во всяком случае, вот уже несколько

месяцев мсье Бомон работает секретарем у господина Маккензи, и, насколько мне известно, последний крайне доволен помощником.

– Вот видите, Ваше Величество, – с улыбкой подытожила маркиза, – нет совершенно никаких поводов для беспокойства.

– По поводу мсье де Бомона нет, ибо я знаком с ним уже давно, – подтвердил принц, – но вот шевалье Дуглас меня смущает. А что, если барон ведет двойную игру?

– Он ненавидит англичан, изгнавших его из королевства, – уверенно заявил король.

– Это ничего не значит, сир, ибо ради достижения цели можно придумать любую историю.

– Но сей господин родом из Шотландии, Ваше Высочество, – поддержала короля маркиза де Помпадур. – К тому же приверженец падшей династии Стюартов. Именно поэтому, я думаю, мы можем полностью доверять шевалье Дугласу, барону де Килдину. Его ловкость и проницательность весьма помогут в нашем деле, и он без труда наладит отношения если не с самой императрицей, то, по крайней мере, с господином Шуваловым, с которым, по слухам, очень дружна Елизавета.

– Именно так, – в этом вопросе король разделял мнение маркизы, – а иностранное происхождение нашего агента отведет подозрения от господина Маккензи.

– Что ж, – нехотя согласился с ними принц Конти, – тогда у меня больше нет сомнений. Поэтому... раз уж больше нет никаких препятствий, то предлагаю назначить отъезд на начало июня. Ваше Величество, вы не возражаете?

– Да будет так, – кивнул головой Людовик.

Он сделал знак принцу, что тот свободен.

– Тогда я предупрежу шевалье Дугласа и его секретаря, снабдив их необходимыми инструкциями, чтобы они готовились к отъезду, – встав с кресла, молвил принц и, слегка поклонившись, устремился к выходу. Он уже почти скрылся за дверью, когда услышал голос маркизы.

– У меня есть одно небольшое... уточнение, касающееся секретаря вашего агента.

– Какое, мадам? – принц Конти с вызовом посмотрел на фаворитку короля.

– Я предлагаю переодеть де Бомона в женское платье и в таком виде отправить его в качестве племянницы с шевалье Дугласом.

Людовик ахнул от удивления.

– Мы надеемся, что это шутка? Мадам, вы в своем уме? – не выдержал он, вскочив с кресла. – Вы хотите поручить дело государственной важности паяцу в платье? Судьба нашего королевства поставлена на карту, а вы изволите шутить?

– Я не шутила, Ваше Величество, – хладнокровно произнесла Помпадур, привыкшая к неконтролируемым вспышкам гнева короля. – Там, где не поможет дипломатия, может помочь женское очарование. Елизавета – женщина, и подход к ней отыщет лишь женщина, ну, или обаятельный, красивый, статный мужчина. Боюсь, что ни барон де Килдин, ни господин де Бомон не обладают той внешностью, которая привлечет императрицу. А вот Шарль в роле девицы... думаю, отыщет нужный ключик к сердцу государыни.

Луи вновь сел в кресло и призадумался. «По всей видимости, она права. Девица из него хоть куда... Представляю свое удивление, если бы я... – король нарисовал себе мысленно картинку и... пришел в ужас, – нет, это трудно даже вообразить».

– Ваше Величество, а маркиза де Помпадур права, – вернувшись к столу, ни с того ни с сего подхватил Конти. – В силу того, что главная задача нашего агента состоит в личном сближении с Елизаветой, очень важно не навлечь на себя подозрения окружающих, особенно канцлера и его шпионов.

– Да-да, так и есть, – продолжила *la maîtresse*, немало удивившись одобрению кузена короля, с которым она находилась в молчаливом противостоянии. – Более того, лишь у девицы Луизы де Бомон появится возможность проникнуть в покои императрицы и не только передать послание, но и побеседовать с государыней с глазу на глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.